

М. В. Шкаровский*

Создание и деятельность Хорватской Православной Церкви в годы Второй мировой войны

Вскоре после разгрома и оккупации Югославии под эгидой Третьего рейха было создано так называемое Независимое государство Хорватия (НГХ). В это государственное образование были включены обширные области Боснии, Герцеговины и Санджака, населенные преимущественно православными сербами и боснийскими мусульманами. Численность населения НГХ весной 1941 г., по германским сведениям, составила 6300 тыс. человек (около 40% от общего населения Югославии), из них 1925 тыс. были сербами (31% всего населения новой страны), 3300 тыс. — хорватами и 700 тыс. — боснийцами¹. По данным Сербской Православной Церкви, на территории НГХ оказались полностью или частично 8 епархий: Дабро-Босанская, Захумско-Герцеговинская, Зворникско-Тузланская, Баня-Лукская, Горно-Карловацкая, Пакрацкая, Загребская и Белградско-Карловацкая митрополия с 2404 тыс. верующих².

К власти в НГХ пришли усташи (повстанцы), военно-политическая профашистская организация, созданная в 1929 г. секретарем Хорватской партии права Анте Павеличем. Для этой организации были характерны расистская идеология, предусматривавшая массовое уничтожение сербов, евреев и цыган, а также террористические методы. В 1934 г. усташи убили короля Югославии Александра I Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту, в дальнейшем они поддерживали тесные контакты с абвером (военная разведка Германии) и IV управлением Главного управления имперской безопасности Германии (РСХА).

10 апреля 1941 г. немецкие войска заняли Загреб, и в тот же день было провозглашено создание НГХ (официально 12 апреля). Поглавником (вождем) этого государства был объявлен Павелич. 15 июня НГХ присоединилось

* © Шкаровский М. В., 2007

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Статья написана при поддержке Gerda Henkel Stiftung.

к Тройственному пакту и стало военным союзником Германии. При этом немцы фактически хозяйничали в стране, оккупировав Загреб и другие наиболее развитые районы. Во 2-й половине 1941 г. Павелич даже отправил небольшие хорватские воинские части на советско-германский фронт (они воевали, например, в Крыму).

Сформированное усташами правительство, стремясь создать «этнически чистое государство», приняло антисербское законодательство, ориентированное на нацистскую политику в отношении евреев. 30 апреля был принят закон «О чистоте арийской крови и чести хорватского народа». Уже 24–25 апреля хорватские власти выпустили указы о запрещении употребления кириллического шрифта и обложении Сербской Патриархии особым налогом. 8–10 мая сербы в Загребе были выселены из центра города на окраины (в отведенные ранее евреям кварталы, т. е. в гетто), им запретили выходить из жилищ после 6 часов вечера.

3 июня были закрыты все православные школы и детские сады; 26 июня сербам приказали носить на рукаве разноцветные повязки с литерой «Р» (сокращенно от pravoslavac — православный); 18 июля термин «сербская православная вера» оказался запрещен и заменен на «греко-восточную веру»; 20 сентября 1941 г. была конфискована собственность православной Белградско-Карловацкой митрополии; 4 апреля 1942 г. всем православным запретили употреблять в церковной жизни юлианский календарь; сербские имена заменяли на хорватские и т. д. С целью разрушения единой церковной организации православным общинам еще летом 1941 г. запретили поддерживать связи с Сербской Патриархией³.

25 февраля 1942 г. в своей программной речи на заседании Хорватского государственного собора (парламента) министр юстиции и культов М. Пук заявил, что в стране официально признаются только 3 конфессии: католицизм западного или восточного (униаты) обряда, ислам и евангелическое вероисповедание. Существование православных в Хорватии министр прокомментировал следующим образом: «Что касается греко-православной Церкви, я разъясняю, что в Хорватии эта конфессия не преследуется, но Сербская Православная Церковь не может быть признана. Православная Церковь вообще известна только как орган соответствующих государственных властей без какой-либо свободы, таким образом, в ее организациях доминируют миряне. Допущение существования Сербской Православной Церкви в стране означало бы предоставление правительству Сербии государственно-правовой базы на территории Хорватии, что государство не может разрешить. Относительно греко-православного населения известно, что оно появилось на территории Хорватии лишь после захвата власти турками. Часть католического населения, прежде всего в Юго-Восточной Герцеговине и в Южной Боснии, как и в других областях Боснии, Сирмии и Словении, в XVI–XVII вв. было перекрещено в результате террора греко-православных священников при поддержке турок, что признают и сербские историки. Поэтому хорватское правительство способствует возвращению этих греко-православных жителей к вере своих отцов, в результате чего будет восстановлено единство хорватского

народа в той сфере, где оно было насильственно ослаблено. Кто не признает эту историческую данность, может покинуть территорию государства». Таким образом, хорватские власти, по мнению начальника германского отдела пропаганды «S» в Юго-Восточной Европе Липперта, фактически приравнивали сербов к евреям, цыганам и коммунистам⁴.

Католическая Церковь в НГХ получила ярко выраженное привилегированное положение, в связи с чем активно поддерживала установившийся в стране режим. Архиепископ Загребский Людовик (Алоизий) Степинац первоначально считал неудачей связь НГХ с Третьим рейхом, к секулярному режиму которого он питал отвращение. Архиепископ также «оплакивал» отошедшую к Италии Далмацию, однако все же поздравил правительство усташей с созданием независимой НГХ и нанес официальный визит Павеличу. 28 апреля архиепископ выпустил воззвание, призывавшее всех католических священников сотрудничать с правительством Павелича. 4 мая соответствующие обращения выпустили и все другие католические архиереи НГХ; некоторые из них, например архиепископ Сараевский Янко (Шарич), оказывали еще более активную, чем Степинац, поддержку усташам⁵.

В мае 1941 г. Павелич в ходе частной аудиенции в Риме у папы Пия XII добился фактического признания Ватиканом НГХ. 13 июня папа назначил своим апостольским легатом в Хорватии доминиканца Иосипа Рамиро Марконеа, который с 5 августа 1941 г. до конца войны находился в Загребе. Архиепископ Степинац трижды удостоивался аудиенции папы — в 1941-м, в апреле 1942-го и в мае 1943 г., а в начале 1942 г. Пий XII назначил его апостольским викарием в НГХ. Правда, формального признания независимости этой страны со стороны Ватикана так и не произошло⁶.

Усташы начали истреблять и изгонять сербов фактически сразу же после прихода вермахта — с конца апреля 1941 г. Немецкие историки Л. Хори и М. Бросчат справедливо отмечают: «Вопреки пропагандистским заявлениям, что большая часть православного населения в НГХ является хорватами по национальности, оно в значительном количестве стало мишенью фанатичной мести. Захват власти усташами и создание усташских организаций в стране повсеместно приняло форму затяжного восстания против сербов, в котором выплеснулось чувство ненависти к православному сербскому “старшему брату”, сложившееся у вождей нелегальных усташей до 1941 г. в югославских тюрьмах и эмиграции»⁷.

Начало репрессий со стороны усташей получило полное одобрение нацистского руководства. 16 мая 1941 г. Гитлер положительно отозвался о стремлении к «сокращению чрезвычайно сильного сербского меньшинства в Хорватии», указав министру иностранных дел Риббентропу на возможность вместо изгнанных сербов депортировать в НГХ около 200 тыс. словенцев из германизируемых Нижней Штирии и Южной Каринтии. 6 июня во время встречи с Павеличем в Бергхофе Гитлер рассказал об этом плане и дал рекомендацию: «Если Хорватское государство действительно хочет быть долговечным, оно должно в течение 50 лет проводить политику национальной нетерпимости». Таким образом, фюрер фактически санкционировал массовое

уничтожение сербов⁸. Вскоре после возвращения поглавника, 22 июня, хорватский министр образования Миле Будак (позднее посол в Берлине) заявил на публичном собрании, что треть сербов будет депортирована из страны, другая треть уничтожена, а оставшаяся конвертирована (обращена) в католичество (и этим «охорвачена»). При этом Будак подчеркнул, что «каждый хорват в первую очередь преданный верующий католик»⁹.

Массовая депортация сербов началась вскоре после окончания 4 июня 1941 г. германско-хорватской конференции в Загребе. 26 сентября этого года шеф Главного управления имперской безопасности Гейдрих сообщил в телеграмме Риббентропу о том, что из Хорватии были депортированы в Сербию 118 110 человек. Кроме того, к осени 1941 г. 15 250 сербов были заключены в лагерь для последующей высылки. Насильственное выселение сербов продолжалось и в дальнейшем, хотя немцы после 31 октября 1941 г. пытались ограничить его масштабы. Так, когда начальник хорватской полевой комендатуры Загреба в середине августа 1942 г. попросил германскую администрацию о содействии высылке 12 тыс. человек, главным образом женщин и детей, в Сербию, немецкий командующий ответил отказом, ссылаясь на то, что в Сербии и так уже имеется 400 тыс. депортированных и беженцев из Хорватии и новых переселенцев негде размещать. При этом командующий выразил готовность к приему единичных заявок¹⁰.

Архиепископ Степинац, крайне негативно относясь к православию, активно способствовал переводу сербов в католичество и униатство. Еще до разгрома Югославии, 27–28 марта 1941 г. он записал в своем дневнике: «Дух Византии, т. е. Восточной Православной Церкви, это что-то такое ужасное, что лишь Всемогущий и Всеведущий Бог может терпеть это... Схизма Восточной Православной Церкви – величайшее проклятие Европы, почти что хуже протестантизма»¹¹. Эту позицию разделяли и некоторые другие католические архиереи Хорватии. Так, архиепископ Мостарский Мишич в ноябре 1941 г. написал Степинацу, что при условии умелого проведения перехода к католицизму число католиков может вырасти как минимум на 600 тыс.; в частности, в Боснии и Герцеговине их количество нужно увеличить с 700 до 1300 тыс. человек. Католическая газета «Неделя» 6 июня 1941 г. писала: «Христос и усташи, Христос и хорваты маршируют вместе через историю... новые усташи-хорваты будут принадлежать Христу и нам, и больше никому». В докладе своему начальству о положении в НГХ от 26 апреля 1942 г. немецкий капитан в Загребе А. Хёффёр писал: «Носительница движения усташей в Боснии и Герцеговине исключительно католическая Церковь... Еще активнее, чем архиепископ Шарич в Сараево, в Боснии и Герцеговине действуют в качестве руководителей движения усташей священники и монахи францисканского ордена, которым вообще поручено там привлечение к католичеству населения»¹².

Хорватские власти всячески содействовали окатоличиванию православных. Специальную государственную комиссию, которая с ноября 1941 г. занималась проведением конвертирования, первоначально возглавлял личный капеллан Павелича францисканский священник Дионисий Юричев (до этого

времени работавший в министерстве юстиции и культов), а после его смерти в 1943 г. — другой францисканский священник (доверенное лицо поглавника, окормлявшее усташей), начальник отдела культов Радослав Главаш. В 1941 г. было перекрещено около 100 тыс. сербов (наиболее активно эти акции проводились в мае-сентябре). Временно затихнув в 1-й половине 1942 г., окатоличивание в дальнейшем вновь активизировалось. Согласно докладу немецкого посольства в Загребе от 26 октября 1942 г. своему начальству, в окрестностях Славонски-Брода в сентябре-октябре православное население принуждали к переходу в католичество, а сопротивлявшихся заключали в концлагеря с конфискацией имущества. В Босански-Броде 17 октября 1942 г. был издан приказ о смене веры православных жителей. В результате в местной католической церкви священник С. Кошич с помощью усташей совершил массовое перекрещивание сербов и т. д.¹³ В другом докладе немецкого посольства от 22 октября 1942 г. говорилось о массовом участии низших членов хорватского католического клира, и особенно францисканцев, во враждебных православию акциях. При этом далеко не все выступали за перекрещивание, некоторые считали подобную практику вредной¹⁴. Согласно докладу архиепископа Степинаца папе Римскому, на 8 мая 1944 г. перешли в католичество 240 тыс. сербов. Другие источники, в том числе Сербской Православной Церкви, говорят о примерно 350 тыс. конвертированных за весь период войны (после мая 1945 г. большинство из них вернулись в православие). Некоторые католические священники, желая спасти сербов от уничтожения, выдавали свидетельство о перекрещивании без совершения соответствующего таинства, однако таких случаев, вероятно, было немного¹⁵.

Еще несколько тысяч сербов, желая избежать гибели, перешли в униатство, так как в НГХ существовала небольшая униатская Крижевецкая епархия с центром в Загребе и во главе с прогермански настроенным членом Хорватской народной партии епископом Янко Шимраком. В частности, в Сараево, где до войны проживали 15–20 семей униатов-украинцев из Галиции, усташаи после убийства сербских священников кафедральный православный собор не разрушили, а передали специально для этого приехавшему в город униатскому священнику о. Биляку. Ватикан не одобрял насильственного характера окатоличивания, но признавал его пользу для значительной части православного населения, так как переход в католичество предоставлял определенную защиту от гонений¹⁶.

Мусульман правительство Павелича считало хорватами, принявшими ислам, т. е. «по крови хорватским народом». Усташаи их не преследовали, и в годы войны в Загребе была даже построена мечеть. Поэтому значительная часть мусульман помогала усташам в борьбе с сербами. Известны и отдельные факты убийства православных мусульманскими духовными лицами. В 1943 г. под руководством немцев была создана боснийско-мусульманская дивизия СС, но часть мусульман активно участвовала и в партизанском движении.

Массовые репрессии начались в июне 1941 г. Иногда православные храмы становились местом массовых расправ с сербским населением. Историк И. Вертц писал: «Во многих деревнях бойня проходила по следующему

сценарию. Усташи приходили и собирали всех сербов. Затем они приказывали им переходить в католичество. Тем, кто отказывался, а таковых бывало большинство, приказывали собраться в их местной приходской церкви. После этого они закрывали их в церкви и поджигали ее. Множество сербских православных мужчин, женщин и детей пострадали, таким образом, в сербских селениях»¹⁷. В докладе германской службы безопасности (СД) от 25 июля 1941 г. приводится несколько характерных случаев с указанием, что иногда даже согласие на перекрещивание не спасало сербов от уничтожения. Так, например, в районе села Глина (Хорватия) усташи обратились к разбежавшимся от них по лесам крестьянам с обещанием полной свободы тем, кто перейдет в католичество. Однако 250 человек, которые пришли в местную православную церковь для перекрещивания, были приколоты заостренными палками к земле, а затем убиты. В окрестностях г. Добой (Босния) репрессии начались в конце июня с арестов и расстрелов православных священников. В окрестностях Плитвицких озер (Хорватия) уже в конце июня были разрушены православные храмы в 8 населенных пунктах. В Берниче, как и в Глине, сербская церковь стала использоваться в качестве тюрьмы и места казни и т. д.¹⁸ О таких случаях писал и служивший в годы войны в Берлине архимандрит (будущий архиепископ Сан-Францисский Американской Православной Церкви) Иоанн (Шаховской): «Членом церковного совета моего Берлинского прихода была православная сербка Душанка Ш., жена профессора Берлинского университета. Отец ее, престарелый православный протоиерей, жил на покое в одном из городков Хорватии. Когда начался погром православных в этой стране, старцу-пастырю было предложено перейти в римо-католичество или лишиться всего имущества и быть изгнанным из своих родных мест и страны. Тысячи православных сербов в те дни были замучены, убиты. Много церквей разрушено. Многие тогда пополнили ряды коммунистов-партизан»¹⁹. Вскоре даже в информационных сообщениях германских служб появилась критика подобной политики. Так, в докладе немецкого капитана в Загребе А. Хёффёра от 27 августа 1941 г. о политическом положении в Хорватии указывалось, что усташами уже убито 200 тыс. сербов и эта нереалистичная политика настраивает население против германского вермахта и увеличивает движение сопротивления сербов²⁰.

Всего за время войны, по данным Сербской Православной Церкви, усташи уничтожили в НГХ около 750 тыс. человек. Епископ Николай (Велимирович) вписал этих мучеников в церковный календарь под 31 августа, как «семьсот тысяч пострадавших за православную веру от рук римских крестоносцев и усташей во время II Мировой войны. Сии суть новые сербские мученики»²¹. Правда, большинство современных исследователей указывают на меньшее число убитых: хорватский ученый В. Зерьявич писал, что за весь период войны погибли 530 тыс. сербов, по мнению немецкого историка Л. Штайндорфа — 500 тыс., еще один хорватский исследователь Ю. Бателя писал о 488 тыс., сербский историк Б. Косович — о 487 тыс., а английский исследователь М. Альмонд указывал, что усташи убили около 325 тыс. сербов, в том числе 60 тыс. в печально известном концлагере Ясеновац²². Сле-

дует отметить, что и в этом лагере сербов заставляли переходить в католичество, а отказавшихся убивали после жестоких мучений, например святого старца Вукашина (в Ясеноваце также погибли тысячи хорватов-антифашистов, евреев и цыган). По данным Сербской Церкви, на территории НГХ из примерно 700 православных священников и монахов гонениям подверглись 577, из них были убиты 217, депортированы в Сербию 334, арестованы 3, 18 бежали от преследований и 5 умерли после издевательств. Погибли и почти все сербские архиереи: арестованного 12 мая митрополита Дабро-Босанского Петра (Зимонича) и схваченного 17 июля епископа Горно-Карловацкого Савву (Трлаича) усташа расстреляли летом 1941 г.; выпускник Московской Духовной академии епископ Баня-Лукский Платон (Йованович) был убит 25 мая 1941 г. после жестоких пыток (ему отрезали нос и уши, вырвали глаза, а на груди развели костер)²³. Выпускник Киевской Духовной академии митрополит Загребский Досифей (Васич) был заключен в тюрьму в Загребе, где подвергался жестокому избиению. Затем в предсмертном состоянии его доставили во Введенский монастырь Белграда, где владыка, не приходя в сознание, скончался 13 января 1945 г. Епископа Зворникско-Тузланского Нектария (Круля) и епископа Захумско-Герцеговинского Николая (Йокановича) усташа изгнали из их епархий в Сербию, причем владыка Николай позднее скончался там от последствий побоев. На 1-й после начала войны конференции Сербского Синода осенью 1941 г. епископ Нектарий был назначен администратором 4 оставшихся без своих архиереев епархий: Дабро-Босанской, Баня-Лукской, Пакрацкой и Загребской²⁴. Почти все православные монастыри и большинство церквей были закрыты, 17 обителей и 255 храмов разрушены или серьезно повреждены, многие осквернены, переданы католикам и униатам. На территории Боснии и Герцеговины действовал особый отдел по разрушению сербских церквей. Весь период войны простоял закрытым и кафедральный православный собор в Загребе²⁵.

Некоторые подробности уничтожения усташами сербских святынь приводили в своих отчетах Первоиерарху РПЦЗ митрополиту Анастасию (Грибановскому) воинские священники воевавшего на территории Югославии Русского корпуса. Так, иеромонах Викторин (Лябах) 25 февраля 1945 г. написал владыке, что в православной церкви с. Мирковцы (Хорватия) иконы были повреждены ударами, все облачения порваны в куски, церковные книги лежали «во дворе рваные и употреблялись на хозяйственные нужды», остальная утварь оказалась или уничтожена, или непригодна к употреблению; о священнике же местные жители не могли и мечтать. Подобным образом писал митрополиту Анастасию в 1945 г. иеромонах Никодим (Нагаев) о православном храме боснийского г. Жепче. Эта церковь стояла закрытой с весны 1941 г., сначала в ней располагалась казарма немецких солдат, затем кинотеатр и наконец казарма усташей; «священник бесследно пропал» и т. д.²⁶

Сильно пострадал «сербский Сион» — знаменитая Фрушка-Гора с 12 монастырями и духовным центром Сербской Патриархии г. Сремски-Карловци. Еще до начала войны русский библиотекарь Патриаршей библиотеки (самой древней библиотеки Сербии, созданной в конце XVII в.) совместно

с настоятелем монастыря Крушедол представил проект вывоза самых ценных книг и предметов церковного музея в Белград, однако Патриарх Гавриил и Синод, к сожалению, не приняли этого предложения, не веря, что германские войска могут захватить область Срема. В результате немцы и усташи разграбили уникальные церковные ценности, погиб музей в Крушедоле (где был похоронен сербский король Милан). Серьезно пострадала и Патриаршая библиотека, захватившие ее усташи хотели сжечь книги. Лишь благодаря заступничеству деятелей науки и культуры Загреба фонды библиотеки в основном были спасены и после окончания войны перевезены в Белград²⁷. Основанный в XIV в. Введенский мужской монастырь в селе Завала был в 1941 г. разграблен усташами и пустовал до 1953 г. Весной 1941 г. прекратила существование известная Духовная семинария св. Саввы в Сремски-Карловци, где в 1920-х — начале 1940-х гг. читали лекции русские священники Иоанн Сокаль, Василий Виноградов, Тихон Троицкий, Борис Волобуев, Нил Софинский, Борис Селиванский, Нил Малахов, профессора и преподаватели Н. Г. Дориомедов, Ф. Ф. Балабанов, В. А. Розов и др. Здание семинарии 17 апреля заняли усташи, а затем в конце июня 1941 г. — немецкие войска, ее ректора тогда же выслали в Сербию. В Сараевской Духовной семинарии, где в то время преподавал священник Борис Селивановский, немецкая часть разместилась 16 апреля, с 23 июня там находился лагерь интернированных сербов, 20 июля ректора выслали в Сербию, а имущество и библиотеку разграбили усташи²⁸. 14 апреля 1942 г. из закрытых фрушкогорских монастырей перенесли в Белград мощи святых князя Лазаря, царя Стефана Уроша и Стефана Щилянновича, деспота Сербского (из монастыря Шишатовач). После прибытия в Белград мощи трижды обнесли вокруг кафедрального собора Св. архангела Михаила и затем поставили в нем на солее. На другой день заместитель Сербского Патриарха митрополит Иосиф в сослужении епископа Дамаскина и Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия совершил перед ними торжественное молебствие, на котором присутствовали члены сербского правительства во главе с М. Недичем и многочисленные богомольцы²⁹.

Как уже отмечалось, православные храмы часто служили местами кровавой расправы над верующими. По свидетельству епископа Григория (Граббе), «по судоходной реке Саве спускались трупы замученных сербов в таком количестве, что иногда судоходство останавливалось»³⁰. Трудно писать об этой поразительной жестокости. И с прискорбием следует констатировать, что в преследовании сербов активно участвовали католические священнослужители. В феврале 1942 г. бывший югославский министр католик П. Гризогоно написал протест архиепископу Степинацу: «Наша католическая Церковь двояко участвовала в этих, худших, чем у язычников, преступлениях; но что еще ужаснее, католические священники становились командирами лагерей и отдавали приказы или же не препятствовали совершать дикие пытки, убийства и зверства в отношении крещеных людей. Один католический священник перерезал горло православному сербскому священнику... Епископы дают свое согласие, по крайней мере своим невмешательством... Один епископ открыто поносил судьбу невинных сербских христиан, пострадавших больше,

чем евреи в Германии. Я пишу это, чтобы спасти свою душу и предоставить вам искать способ спасти вашу»³¹. Сам Степинац, по некоторым сведениям, пытался прекратить массовые убийства, понимая, что они дискредитируют процесс «добровольного» перехода сербов в католичество. Архиепископ неоднократно писал хорватским руководителям, выражая протест против уничтожения сербов, а в июне 1943 г. даже публично выступил против незаконных преследований православных жителей НГХ³². В отдельных случаях католические священники помогали православным спастись от гибели. В апреле 1942 г. папа Римский после доклада католического Белградского архиепископа отправил в Сербию 10 тыс. долларов для помощи православным беженцам из Хорватии. Однако в целом католическая Церковь так и не высказалась явно против геноцида сербов. По справедливому мнению немецкого ученого Т. Бремера, «очевидно, что для католической иерархии преимущества привилегированного положения Церкви в Независимом хорватском государстве перевешивали необходимость заступаться за некатолических граждан этого государства»³³.

Первоначально гонения коснулись и русских эмигрантов. Усташи отождествляли сербов с православными; если под угрозой уничтожения те переходили в католическую или униатскую Церкви, то они больше не преследовались. Уже в апреле 1941 г. местные хорватские органы власти все ограничения, касающиеся сербов, распространили и на русских. Правда, 31 мая последовал указ МВД, разъяснявший, что, «хотя русские и православные, они не подлежат ограничениям, относящимся к сербам»³⁴. Но на практике эти преследования продолжались еще почти год. Некоторые русские церковные деятели подверглись арестам. Так, в апреле 1941 г. в Сремски-Карловци был арестован бывший секретарь Сербского Патриарха Варнавы, библиотекарь Патриаршей библиотеки, русский эмигрантский писатель В. А. Маевский. Он содержался в заключении несколько месяцев и был освобожден с требованием не покидать Сремски-Карловци и ежедневно являться в полицию для регистрации (вскоре Маевский тайно уехал в Белград). Настоятель загребской церкви священник Серафим Купчевский в 1941 г. окормлял свою паству из тюремной камеры, согласно указу сербского архиерейского наместника протопресвитера Н. Витковича (также находящегося в заключении). Священник Григорий Крыжановский, служивший в храме г. Баня-Лука, как нелояльно настроенный к католической Церкви и не желавший переходить в нее, оказался интернирован и летом 1941 г. выслан в один из сербских городов и т. д.³⁵

На территориях, отошедших к НГХ, функционировали 5 русских приходов (в Загребе, Земуне, Сремски-Карловци, Сараево и Цриквенице), несколько общин при часовнях, домовых храмах в учебных заведениях и благотворительных учреждениях, 2 русских монастыря (в Милькове и Хопове). Значительное количество русских иноков пребывало в сербских обителях Беочин, Врдник, Язак, Гргетег и др.

Общежительный Введенский монастырь в Милькове в 1926 г. был передан русским монахам во главе с архимандритом Амвросием (Кургановым). За короткий срок о. Амвросий превратил обитель в центр русской духовной

жизни, хотя формально она находилась в ведении Сербской Патриархии. Он не без успеха стремился возродить дух Оптиной пустыни за пределами России. В 1930-х гг. в Мильковском монастыре проживали около 25 насельников, в основном выпускников богословского факультета Белградского университета. Многие из них в дальнейшем стали известными деятелями РПЦЗ: архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Максимович), архиепископы Антоний (Бартошевич), Антоний (Синькевич), Никодим (Нечаев), Антоний (Медведев), епископы Леонтий (Бартошевич), Филипп (Гарднер), архимандриты Киприан (Керн), Савва (Струве) и др. После смерти 30 мая 1933 г. о. Амвросия настоятелем монастыря стал его ученик игумен Лука (Родионов). О. Лука не только возглавлял Мильковскую обитель, но был духовником женской общины Святого Креста и обновил преимущественно сербский женский монастырь Нимник³⁶. Ко времени появления русских иноков в Югославии многие монастыри там пустовали или имели 2–3 насельников, поэтому принимавшие сербов русские обители стали важным фактором развития монашества.

Главной русской обителью в Югославии был широко известный в России Свято-Богородицкий Леснинский женский монастырь. В августе 1920 г. он переехал из занятой румынами Бессарабии, где тогда находился, в Сербию. 70 монахинь во главе с игуменией Екатериной (Ефимовской), которую после ее смерти в 1925 г. сменила игумения Нина (Косаковская), поселились в предоставленном им в ноябре 1920 г. сербском монастыре Хопово на Фрушка-Горе, основанном в конце XVI в. В этом монастыре хранились мощи вмч. Феодора Тирона. Инокнии привезли в Хопово чудотворную Леснинскую икону Божией Матери и часть мощей прп. Афанасия Брестского (XVIII в.). На попечении сестер находился большой детский приют, где к 1941 г. воспитывалось 35 детей от 3 до 10 лет. Всего за 20 с лишним лет через приют прошло около 1500 сирот, многие из которых были русскими. Настоятелем старинного монастырского храма свт. Николая Чудотворца (XVI в.) служил один из самых выдающихся пастырей русского зарубежья протоиерей Алексей Нелюбов, духовниками — русский афонский старец архимандрит Кирик (специально приглашенный Сербским Патриархом Варнавой с Афона), изгнанные с Валаама в 1926 г. за приверженность к юлианскому календарю иеромонахи Никандр (Беляков) и Тимолай (Пастухов); сербским наместником обители был о. Паисий. Хоповский монастырь находился в ведении сербского викарного епископа, но сестры сохранили традиции Леснинской обители. Они содействовали возрождению женского православного монашества в Югославии, почти исчезнувшего к началу века. Во многом благодаря прибытию из России изгнанных из своих обителей насельниц в Югославии со временем появились 32 женских монастыря. В частности, в октябре 1923 г. из Хопова в обитель Кувежди переселились около 10 русских монахинь, которые вместе с сербскими сестрами во главе с игуменией Меланией возродили этот монастырь³⁷.

Весной—летом 1941 г. все мужские монастыри, где жили русские монахи, были закрыты. При этом будущий архиепископ РПЦЗ Леонтий (Бартошевич) успел летом 1941 г. принять монашеский постриг в монастыре Туман до его ликвидации. Проживавший в сербском монастыре Гргетег вблизи

Сремски-Карловци член Архиерейского Синода РПЦЗ архиепископ Екатеринославский и Новомосковский Ермоген (Максимов) в апреле в Сремски-Карловци подвергся кратковременному аресту усташами, затем был вынужден переехать в Хопово. Другой известный владыка, член-секретарь Архиерейского Синода архиепископ Курский и Обоянский Феофан (Гаврилов), вывезший из своей епархии за границу главную святыню русского зарубежья — чудотворную Курскую Коренную икону Божией Матери, до войны жил в монастыре Раковица, но осенью 1941 г. также был вынужден поселиться в Хоповском монастыре. Туда же переселились 8 монахов из Милькове. Один из этих монахов, будущий архиепископ Антоний (Медведев), позднее вспоминал: «Наше монашеское братство перевели из Мильково в другой монастырь. Среди сербских партизан были разные группы: кроме православных, которые воевали против захватчиков фашистов, были и коммунисты, представлявшие угрозу и для нас. Наш настоятель собрал нас и сказал, что мы в случае чего должны защищаться с оружием в руках. А я, о. Феофан и о. Серафим, будущий подвижник на Каруле (Афон), были иеромонахами. Настоятель сказал, что кто не согласен с этим решением, может покинуть монастырь по его благословению. Мы с о. Серафимом Карульским сказали, что мы не согласны и, таким образом, с благословения настоятеля уехали из монастыря в Белград и оказались у Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия»³⁸.

В результате непрекращающихся преследований не только некоторые мильковские иноки, но и сестры из Нимниковского монастыря во главе с игуменией Параскевой перебрались в Белград (инокини поселились в одном из домов на берегу реки Савы). Около года остававшуюся в Хопове часть мильковских монахов в 1942 г. приютил у себя дома в Земуне известный русский врач С. К. Софотеров. Здесь возникло русское иноческое братство Святого Креста, настоятелем которого в годы войны был бывший настоятель Мильковского монастыря игумен Лука (Родионов), а заместителем — иеромонах Феофан (Шишманов)³⁹.

Хоповская обитель осенью 1941 г. осталась единственной действующей из 12 православных монастырей на Фрушка-Горе и, по сообщениям германских органов, также находилась на грани закрытия: «Главная церковь [с находившейся там Леснинской иконой Божией Матери.— *М. III.*]... уже опечатана. Монахов принуждают очистить монастырь и где-нибудь искать себе прибежище». Детский приют обители был закрыт еще летом и т. д.⁴⁰

В газете «Православная Русь» от 25 сентября 1941 г. говорилось: «Все православные в Хорватии одно время должны были носить на руке белую повязку. До сего даже Ярославский [председатель Союза воинствующих безбожников в СССР.— *М. III.*] не додумался. Теперь, кажется, это постановление отменено. Все эти меры острием своим были направлены против православных сербов в Хорватии, но рикошетом задели и русских, которые никогда хорватам ничего плохого не сделали. Все это очень печально, ибо терпеть притеснения от братьев-христиан тяжелее, чем от безбожников-коммунистов»⁴¹. Чтобы ситуация действительно начала меняться, понадобилась активная заступническая деятельность митрополита Анастасия. 4 декабря 1941 г. в НГХ

был принят закон о том, что все церковные праздники могут отмечаться только по григорианскому календарю. Об этом власти специально сообщили и русским эмигрантам, угрожая карой за невыполнение. Глава РПЦЗ сразу же обратился к уполномоченному МИД Бенцлеру с просьбой сделать исключение для русских приходов, 8 января 1942 г. владыка информировал об этом деле и германского евангелического епископа Хеккеля. В результате, по сообщению германского посольства в Загребе от 26 марта 1942 г., местный русский священник получил разрешение праздновать по юлианскому календарю, но посещение таких богослужений было позволено только эмигрантам. В указанном сообщении далее говорилось, что «приказ о разрушении греческо-православной церкви в Крижевцах в последний момент был отменен. При этом монахини Хоповского монастыря вблизи Ириги получили разрешение и дальше оставаться там. Это стало первыми признаками более мягкой позиции в церковном вопросе, однако речь идет только о русских эмигрантах»⁴².

Дальнейшая судьба сестер Хоповского монастыря оказалась очень сложной. Обитель занял отряд усташей. Назначенный хорватами управитель монастыря с женой-баптисткой «разнузданно вели себя с сестрами, пытались поработить их, отнимая скарб», и заставляли работать на себя. Укрывавшиеся за монастырскими стенами усташа вели боевые действия с занимавшими окрестные леса сербскими партизанами, при этом были ранены несколько работавших на огородах насельниц. Накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы (в октябре 1942 г.) местные хорватские власти приказали под угрозой расстрела выгнать сестер (их оставалось около 40) по обвинению в сношениях с партизанами, разрешив взять лишь ручную кладь. Монахини просили отложить высылку в Сербию, но приехавший уездный начальник грубо заявил: «Достаточно уже мы вас кормили, дармоедок, вы никому не нужны. Кому нужна ваша жизнь, старух? Не противьтесь, а то расстреляем». Всю ночь сестры молились перед чудотворным образом Божией Матери. Утром часть инокинь отвезли на железнодорожную станцию Рума для переброски в Сербию, но одной из сестер удалось связаться с руководителем местной русской колонии, а тот сообщил о произволе немецкому командованию. В результате вмешательства немцев монахинь вернули в их обитель, где они прожили зиму⁴³. Опасаясь повторения попытки выселения, инокиня Зоя (Шингель) 21 декабря 1942 г. в отчаянии написала православному митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде), прося содействовать в заступничестве немецких властей перед хорватами: «Единственная наша защита и поддержка — это немцы, которые к нам искренне хорошо относятся. Мы это просто чувствуем при всякой встрече с ними. Но они деликатно стараются не вмешиваться во внутренние распоряжения хорватской власти, которая совсем неделикатно старается нас выбросить подальше. Мы убеждены в том, что маленькое вмешательство германских властей в нашу несчастную судьбу послужит нам якорем спасения, явится благим пред Господом делом защиты слабых». Инокиня отмечала, что сестры хотели бы остаться в Хопове до появления «реальной возможности вернуться в Россию»⁴⁴. Надежды

монахинь оказались напрасными. В середине апреля 1943 г. партизаны-коммунисты ночью ограбили обитель, заявив: «Мы еще ничего, а вот придут те, московские, так живыми вам не бывать». На Страстной неделе (22 апреля) партизаны подожгли монастырь. Сестры самоотверженно тушили здания обители, но удалось отстоять от огня только храм, 4 кельи, помещение приюта, иконы и священные книги. Вторую половину весны погорельцы прожили в приютивших их семьях сербов из соседнего городка Ирига, понемногу восстанавливая свою обитель. Однако в мае 1943 г. немецкие оккупационные власти все-таки распорядились выслать инокинь в Сербию. Монахиням вместе с их духовниками иеромонахами Тимолаем (Пастуховым) и Никандром (Беляковым) пришлось переехать в Белград и поселиться в общежитии для престарелых. 4 июня Архиерейский Синод РПЦЗ выделил 6 тыс. динар для оказания материальной помощи сестрам. Оставшуюся главную церковь Хоповского монастыря части вермахта взорвали при отступлении в конце 1944 г. Монахини же оставались в Белграде до 1950 г., а затем переехали во Францию (сначала в Фурке, а затем в Провемон, где обитель находится и в настоящее время)⁴⁵.

Заявляли русские священнослужители и о необходимости прекратить истребление сербов. Архимандрит Иоанн (Шаховской) позднее вспоминал: «Была также попытка с моей стороны во время войны осведомить Ватикан через баварского кардинала Фаульхабера о начавшемся гонении на православную Церковь в Хорватии и мученичестве православных сербов... Я имел достоверные сведения о совершавшемся в нововозникшем Хорватском государстве погроме православных священников и церквей. Православных сербов хорваты убивали и изгоняли из родных селений, причем усташам Павелича в этом деле помогала — говорим это со скорбью — и часть римо-католического клира в Хорватии... В начале этого похода против православия я поехал в Мюнхен и через одну немецкую семью, близкую к кардиналу Фаульхаберу, передал ему все, что знал о положении в Хорватии, за достоверность чего ручался, и просил его без промедления сообщить это в Рим. Просил передать, что Римская Церковь имеет силу и призвана возвысить свое слово. И если она не остановит своих пастырей и мирян, обезумевших от бесчеловечия, — следствия этого будут тяжки и для самой Римской Церкви»⁴⁶.

Югославское правительство в изгнании, архиереи Сербской Православной Церкви также обращались с протестами к Ватикану и иностранным католическим кругам. Подобные заявления делали, конечно, и представители других православных Церквей, в том числе союзных Третьему рейху Болгарии и Румынии. Так, 10 декабря 1941 г. международная служба Германской Евангелической Церкви сообщила в свой МИД, что к ней обратился крупнейший болгарский теолог профессор протоиерей Стефан Цанков с протестом от имени всего православного мира против «жесточкого преследования православной Церкви в Хорватии» и просьбой оказать помощь. Международная служба поддержала эту просьбу. МИД, понимая, что дальнейшее невмешательство в акции усташей сильно подрывает германский престиж в православном мире, был вынужден отреагировать. Кроме того, немцы хотели

скорейшего «замирения» населения Хорватии, что позволило бы им перебросить свои войска из этой страны на фронт. Третьей причиной реакции германских властей было нежелание дальнейшего резкого усиления позиции католической Церкви в Хорватии. Еще на проходившем 22–23 сентября 1941 г. в Берлине под председательством шефа гестапо Мюллера совещании разработчиков церковной проблематики подразделений РСХА в докладе унтерштурмбанфюрера СС Вандеслебена «Проблематика восточных Церквей и служебно-информационные выводы» говорилось о необходимости поддерживать православных «в качестве противовеса» католикам в Хорватии: «Там по побуждению Римской Церкви был убит ряд православных священников. Это происшествие необходимо использовать, чтобы настраивать различные группы друг против друга. В данном случае со стороны полиции безопасности оказывается поддержка православным, так как римокатолики постоянно расширяют область своего влияния и захватывают ведущие позиции, в то время как православные находятся в меньшинстве»⁴⁷. Еще ярче негативная позиция нацистского руководства в отношении католицизма в Хорватии проявилась в докладе шефа полиции безопасности и СД Гейдриха рейхсфюреру СС Гиммлеру от 17 февраля 1942 г. Гейдрих писал в нем об убийстве «садистскими методами» около 300 тыс. православных и резко критиковал насильственное окатоличивание, которое усиливает католическую Церковь⁴⁸.

2 декабря 1941 г. немецкий посол в Загребе Зигфрид Каше в своем сообщении в Берлин впервые упомянул об идее создания Хорватской Православной Церкви. В начале 1942 г. германское посольство уже получило задание оказать давление на главу Хорватии Павелича. 7 февраля Каше встретился с поглавником и в ходе беседы о путях скорейшего замирения населения страны предложил основать самостоятельную Хорватскую Православную Церковь. В тот же день посол телеграфировал в Берлин о том, что имел длительный разговор с Павеличем и тот пошел на некоторые изменения своей позиции: «Поглавник разрешит православную Церковь в Хорватии... Первые шаги он предпримет в скором времени. По этому вопросу он выскажет свою точку зрения перед собирающимся в середине февраля собором. Относительно бесчинств усташей и полиции он тем временем предпринял дальнейшие меры для их прекращения»⁴⁹. Первым точку зрения о том, что идея создания Хорватской Православной Церкви в годы Второй мировой войны имела немецкое происхождение, высказал в 1978 г. историк Ф. Йелич-Бутич⁵⁰. Хотя при этом стоит отметить, что о необходимости образования подобной Церкви еще в 1861 г. впервые заявил хорватский политик Евгений Кватерник (1825–1871 гг.)⁵¹. Фактическим руководителем «проекта» создания Хорватской Православной Церкви был начальник германской службы безопасности (СД) в Хорватии Ганс Хелм. В реализации замысла также активно участвовали уполномоченный 6-го отделения СД в Хорватии А. Кунгел и немецкий специалист по русской эмиграции М. Шумахер. Последний вел переговоры со многими русскими эмигрантами, из которых особенным сторонником создания Хорватской Церкви проявил себя протодиакон Алексей Борисов⁵².

Уступки православной Церкви в НГХ были вызваны не только давлением германских ведомств, но и невозможностью полностью решить проблему 2 млн сербов — всех убить, изгнать или заставить перейти в католичество. Один из ведущих современных историков Хорватии Юре Кришто справедливо отмечал: «Главной причиной создания Хорватской Православной Церкви была международная политическая ситуация. Политикой репрессий и гонений не удалось достичь многого в решении “сербского вопроса” в Хорватии»⁵³. Непреодолимым препятствием оказалось мужественное сопротивление сербского народа, разгоравшаяся партизанская борьба (с 1942 г. в ней участвовало довольно много хорват). При этом основные цели Сербской Православной Церкви здесь совпадали с устремлениями партизан: освобождение Хорватии от господства усташей, итальянцев, немцев и окончание этнических гонений. Кроме того, коммунистическое партизанское движение на большей части Хорватии было единственной политической силой, которая могла обеспечить безопасность православного клира (монархически ориентированные четники Д. Михайловича действовали главным образом на территории Сербии). Уже в 1941 г. партизаны умело использовали свое влияние на часть духовенства и даже расширили его. Группа православных священников вступила в партизанские отряды, например известный протоиерей Милан Смилянич. В конце 1942 г. в партизанском движении на территории НГХ имелись так называемые религиозные референты: 7 православных и 2 мусульманских (но ни одного католического). В то же время эти священники не смогли воспрепятствовать постепенной эволюции партизан в направлении ко все более жесткому следованию коммунистической идеологии⁵⁴.

Таким образом, основание автокефальной Хорватской Православной Церкви со стороны Павелича было, как признавал и германский МИД, только вынужденным политическим маневром. Впервые о необходимости создания такой Церкви поглавник заявил на заключительном заседании Хорватского государственного собора 28 февраля 1942 г., из 205 депутатов которого только 3 были православными. Он отметил: «Православная Церковь во всем мире православная Церковь. Она станет пользоваться полной свободой и в Хорватии, если будет находиться под контролем Хорватского государства и его органов, однако зависимую от Сербии православную Церковь не допустят. Переход из православия в католичество не будет принудительным. Известно, что в этом вопросе имели место эксцессы, которые, однако, были отвергнуты и осуждены правительством»⁵⁵. Интересно прокомментировал новую ситуацию немецкий генерал в Хорватии Г. Хорстенау в своем докладе в ОКВ от 25 февраля 1942 г. Он указал, что хорватское правительство теперь хочет «искать выход» (из внутреннего кризиса страны) не в принудительном окатоличевании, а в восстановлении православной Церкви во главе с собственным Патриархом, полностью отделенной от Сербского Патриархата, которая долгое время будет испытывать недостаток в священниках (большой частью убитых) и в храмах (в основном разрушенных). Командующий хорватскими войсками маршал Славко Кватерник категорично высказался за это решение. Другие члены правительства еще, правда, надеются на унию

православных с Римом, над достижением которой Ватикан уже давно работает. Неблагоприятное правовое положение православных пока не улучшилось, за 4 недели до Рождества (по юлианскому календарю) им запретили вход в немногие еще оставшиеся церкви. Усташи, активными соратниками которых являются католические капелланы, также не прекратили грабежи и убийства. Не проходит недели, которая бы не сопровождалась «очистительными акциями», по возможности скрытыми от немецких глаз. При этом, по свидетельству генерала, усташи изображали расправы над женщинами и детьми победными военными операциями против партизан⁵⁶. В другом докладе Хорстенау от 19 мая 1942 г. приводились новые подробности возникшей противоречивой ситуации: некоторые хорватские руководители, но отнюдь не все, считают, что первоначально выбранный курс, нацеленный на уничтожение сербской части населения, был неудачен. При этом создание по немецкой инициативе и в соответствии с призывом сербских депутатов Хорватского Собора самостоятельной Хорватской Православной Церкви подействовало в основном на хорватскую армию, прекратившую репрессии против сербов. Однако усташи все еще перечеркивают усилия по облегчению возвращения сербских националистов домой из лесов и гор. Уничтожение до сих пор насчитывающего свыше полутора миллионов сербского элемента по-прежнему остается целью руководителей усташей, как минимум среднего и низшего звена⁵⁷.

Вскоре после февральского выступления Павелича российский священник (грузинского происхождения) Василий (Васо) Шурлан из Земуна и православный чиновник Петр Лазич из Загреба подали прошение об основании Хорватской Православной Церкви. Оно было рассмотрено правительством, и 3 апреля министр юстиции и культов М. Пук разрешил регистрацию православной церковной общины в Загребе, председателем которой стал П. Лазич. Общине передали закрытую ранее Спасо-Преображенскую церковь⁵⁸. Создание автокефальной Хорватской Православной Церкви предусматривалось законом от 3 апреля 1942 г. В нем говорилось, что устройство и деятельность новой Церкви будут регулироваться уставом, который утвердит поглавник, а непосредственное ведать ее делами поручалось Министерству юстиции и культов⁵⁹. 8 апреля Павелич принял делегацию представителей православной общины в составе о. В. Шурлана, чиновников П. Лазича, Т. Вукадиновича и депутата Д. Якича. Они подали ходатайство о принятии устава Хорватской Православной Церкви, в ходе беседы поглавник выразил согласие с необходимостью проведения организации церковной жизни по всей стране. 11 апреля на богослужении в православном Спасо-Преображенском храме демонстративно присутствовали представители хорватского правительства, усташей и государственного собора. Богослужение совершил о. В. Шурлан, во время службы пел русский церковный хор под управлением регента Александра Росмаевского⁶⁰.

При создании новой автокефальной Церкви в первую очередь возникли сложности с выбором кандидатов на пост ее будущего главы. Все сербские епископы к тому времени оказались убиты или изгнаны из страны. 20 апреля

в Загреб приехал из Белграда бывший секретарь епархиального управления в Сремски-Карловци и служащий канцелярии (юридический советник) Сербского Синода Милош Обркнежевич, и в тот же день священник Василий Шурлан пригласил его на прием к Павеличу для беседы о возможных способах создания Хорватской Православной Церкви. В ходе разговора о. В. Шурлан предложил создать православное ведомство под контролем Министерства юстиции и культов. По свидетельству Обркнежевича, он заявил о необходимости вступить в контакт с Сербской Церковью, но поглавник ответил, что с Сербским Патриархатом вместе ничего обсуждать не хочет и ничего делать не будет. После обсуждения ситуации было решено, что в НГХ создадут 2 архиепископства: в Загребе и Сремски-Карловци; митрополита назначат только в случае подбора подходящей кандидатуры, а до этого времени руководство Церковью возглавит администратор; будет принят устав в духе законов НГХ; всякий сербский священник, пожелавший вернуться в Хорватию, получит на это согласие, причем ему возвратят все конфискованное имущество, и поглавник лично гарантирует безопасность таким возвращенцам. Разъяснять этот указ и набирать духовенство было поручено П. Лазичу, комиссию по подготовке устава возглавил Обркнежевич⁶¹.

Следует отметить, что при разработке проекта создания Хорватской Православной Церкви немцы рассчитывали на вынужденное признание ее Сербской Православной Церковью, планировалось даже санкционировать переезд некоторых сербских архиереев в Загреб для участия в организации Хорватской Церкви. Видимо, оказывалось давление на сербское правительство Недича, так как, когда 22 апреля епископы Нектарий и Вениамин посетили министра образования, чтобы сообщить о негативном отношении Сербского Синода к возможному созданию Хорватской Православной Церкви, министр неожиданно заявил: «Я считаю лучшим выходом, если один из сербских епископов пожертвует собой и поедет в Хорватию, чтобы спасти местный сербский народ». Министр, в частности, предложил поехать епископу Зворникско-Тузланскому Нектарию, так как его епархия находилась на территории НГХ. Однако владыка ответил категорическим отказом, дав понять, что он не меняет своих убеждений в соответствии с конъюнктурой⁶². 30 апреля Священный Архиерейский Синод Сербской Православной Церкви принял определение о непризнании образования неканоничной Хорватской Православной Церкви, о чем известил всех сербских архиереев, М. Недича, сербского министра образования и Архиерейский Синод РПЦЗ. Однако это постановление оказалось невозможно отправить, как планировалось, в Константинополь (Стамбул), Румынию и Грецию. Немецкие военные власти потребовали полностью удалить часть текста, в которой говорилось о преследованиях Сербской Православной Церкви и сербского народа, на что Синод не согласился. Он не смог даже опубликовать постановление в своем печатном органе «Гласнике» в связи с запретом немецкой цензуры⁶³.

3 мая 1942 г. в Белград приехали М. Обркнежевич, П. Лазич и священник из Земуна Борислав Деянович для вербовки православных священнослужителей, в том числе епископов, желавших поехать в Хорватию. 4 мая

Обркнежевич, используя свои старые связи, встретился в Сербской Патриархии с главным секретарем Священного Синода протоиереем Николаем Алагичем и передал ему список из 20 русских и 42 сербских священнослужителей (в том числе 29 священников, 11 монахов и 2 преподавателей богословия), которые пожелали служить в Хорватской Православной Церкви. Обркнежевич заявил, что он пошел на сотрудничество с хорватскими властями, чтобы спасти сербские церкви, монастыри, верующих, и выразил желание встретиться с заместителем Патриарха митрополитом Иосифом, однако владыка его не принял. Сербские архиереи, по словам митрополита Иосифа, «отвергли всякое общение с такими перебежчиками»⁶⁴. После провала поездки Обркнежевича в Белград была предпринята неудачная попытка создать Синод Хорватской Православной Церкви во главе с администратором священником Василием Шурланом, который официально стал советником Министерства юстиции и культов⁶⁵.

Между тем на территории НГХ в монастыре Хопово проживали 2 православных архиерея — русские архиепископы Феофан (Гаврилов) и Ермоген (Максимов). На тревожный запрос митрополита Анастасия об их возможном участии в создании неканоничной Хорватской Православной Церкви владыка Ермоген в ответном письме от 29 апреля просил успокоить заместителя Сербского Патриарха митрополита Иосифа, указав, что «мы, ценя услуги Сербской Патриархии для Церкви нашей заграничной, не сделаем ничего для подобного» (см. приложение, документ 1). В заключение архиепископ отметил, что это возможно лишь по указанию Архиерейского Синода РПЦЗ и с согласия Сербской Церкви. 25 мая митрополит Анастасий сообщил об ответе владык в Сербский Синод⁶⁶.

Первоиерарх РПЦЗ еще с начала апреля добивался разрешения на поездку архиепископов Феофана и Ермогена в Белград для участия в заседании Архиерейского Синода по поводу образования Среднеевропейского митрополичьего округа, но хорватские власти, преследуя свои цели, этому всячески препятствовали. В результате владыка Анастасий был вынужден 13–16 мая письменно обратиться к архиепископам с просьбой изложить их мнение о создании митрополичьего округа письмом. 26 мая архиепископы Ермоген и Феофан написали в Синод о своем положительном отношении к решению этого вопроса. В конце концов даже германский МИД, признавший необходимость образования митрополичьего округа, 5 июня 1942 г. отправил телеграмму в Загреб о своей согласии с поездкой архиепископов из Хопова в Белград⁶⁷.

Однако события к тому времени приняли новый неожиданный оборот, резко изменивший ситуацию: 81-летний архиепископ Ермоген стал главой Хорватской Православной Церкви. В переговорах с ним главную роль сыграл Обркнежевич, которого владыка лично хорошо знал по Сремски-Карловци. Еще в апреле 1942 г. после разговора в Загребе с Хелмом и Кунгелем Обркнежевич приехал в Хопово для беседы с архиепископом. Однако во время первой встречи владыка заявил, что возглавит Хорватскую Церковь только в случае его избрания Собором и получения согласия Сербской Церкви-Матери, фактически выгнав посетителя⁶⁸. Состоявшееся через несколько недель

второе посещение Обркнежевичем архиепископа Ермогена было более успешным. Как позднее писал Обркнежевич в своей книге «Развитие православия в Хорватии и Хорватская Православная Церковь», интернированный немцами в монастыре Войловица Сербский Патриарх Гавриил негласно одобрил выбор владыки Ермогена главой Хорватской Церкви и лишь категорически высказался против его титулования Патриархом, кроме того, Первосвятитель Гавриил якобы написал своему заместителю митрополиту Иосифу о необходимости в свете новых обстоятельств сделать все возможное для благоустройства православия в Хорватском государстве⁶⁹. Однако найти соответствующие документы не удалось. Сам Патриарх Гавриил в разговоре в феврале 1945 г. в Зальцбурге с одним из румынских митрополитов осудил его помощь Хорватской Православной Церкви: «Не было никакого оправдания участия в этом Румынской Церкви и помощи усташам в насилии. По моему мнению, Румынская Церковь согрешила в своей христианской любви»⁷⁰. Выслушав заверения Обркнежевича о согласии Патриарха Гавриила, владыка Ермоген был удовлетворен этим и только тогда решился принять предложение хорватского правительства. Архиепископу были переданы письмо начальника отдела культов Радослава Главаша и устные поздравления Павелича и министра юстиции и культов М. Пука. Владыке обещали зарплату 15 тыс. кун и дополнительную выплату 20 тыс. кун на представительские нужды ежемесячно. Кроме того, Обркнежевич сказал архиепископу, что его зовут русские общины в Загребе и Осиеке и, вероятно, появившаяся в Хорватии казацкая дивизия, а на случай отказа владыки есть второй, якобы уже выразивший согласие кандидат на пост главы Хорватской Церкви — румынский митрополит Виссарион (Пуи)⁷¹.

Архивные документы свидетельствуют, что владыка Ермоген уступил давлению немцев и хорватских властей, шантажируемый угрозой дальнейших жесточайших преследований сербов. В сообщении германского посольства из Загреба от 26 июня 1942 г. говорилось: «Ему дали понять, что православным придется плохо, если он не примет должности»⁷². В другом сообщении посольства от 28 июля подчеркивалось, что архиепископ Ермоген принял службу «только под давлением и чтобы, насколько возможно, избавить православное население от дальнейших жестоких преследований»⁷³. Оригинальное объяснение поступку владыки Ермогена дал главный редактор выходившего в Белграде русского журнала «Церковное обозрение» Е. И. Махараблидзе. Он написал, что архиепископ возглавил Хорватскую Церковь как «специалист по церковным канонам, всегда идущий навстречу образованию самостоятельных Церквей»⁷⁴. Обркнежевич же в своей упоминавшейся книге отметил: «Необходимо подчеркнуть, что владыка Ермоген годами монашествовал и не был честолюбивым, обладал он общеизвестной высокой моральной и духовной чистотой. Его согласие возглавить Хорватскую Православную Церковь представляло огромную жертву. Сделал он этот выбор, побуждаемый христианскими и гуманными началами»⁷⁵.

29 мая архиепископ Ермоген в сопровождении о. В. Шурлана, благочинного игумена Мирона (Федерера), П. Лазича, советников Обркнежевича и

Д. Мирковича встретился с Павеличем в его резиденции. Они обсудили будущую организацию православной Церкви, причем владыка говорил о необходимости открытия храмов⁷⁶. 5 июня 1942 г. поглавник утвердил устав Церкви из 123 статей и назначил владыку Ермогена митрополитом Загребским и всей Хорватской Православной Церкви. В соответствии с уставом новая автокефальная Церковь должна была состоять из 4 епархий — Загребской митрополии с кафедрой в Загребе (включала 6 благочиний) и 3 епископств: Сараевского с кафедрой в Сараево (4 благочиния), Петровацкого с центром в Босански-Петроваце (7 благочиний) и Бродского с кафедрой в Босански-Броде (3 благочиния), а также архиерейских наместничеств и приходов. Предусматривались выборы Патриарха, но первых епископов и первого Патриарха должен был назначать лично Павелич. Верховной властью в Хорватской Церкви формально считались Патриарх и Архиерейский Собор. Учреждение Патриаршества было отложено до получения признания Вселенского Патриарха и проведения в мирное время Собора. Согласно уставу, Собору вменялась в обязанность забота о сближении и соединении христианских Церквей (здесь, вероятно, имелась в виду будущая уния с католической Церковью). По свидетельству написавшего этот устав Обркнежевича, он взял за основу устав Сербской Православной Церкви с учетом хорватских законов⁷⁷.

7 июня состоялась торжественная интронизация митрополита Ермогена в Свято-Преображенской церкви Загреба (в этот сан владыку ввел не архиерей, а настоятель храма священник Серафим Купчевский), а 8 июня владыка в присутствии представителей хорватского правительства и делегации православного духовенства принес перед Павеличем присягу в верности хорватскому государству, его главе и законам. Церемония отличалась подчеркнутой помпезностью. Перед резиденцией поглавника был выстроен почетный караул его личной стражи, который отдал митрополиту воинские почести⁷⁸. 7 июля митрополит Ермоген в сопровождении своего секретаря Обркнежевича и иеромонаха Вениамина (Павловского) посетил Хорватский государственный собор, где имел продолжительную беседу с его председателем Марко Дошеном. Интересно, что Г. Хелм в донесении своему начальству от 9 июня 1942 г. весьма сдержанно отозвался о владыке Ермогене в качестве митрополита Загребского, отметив возможные негативные последствия, так как «он — эмигрант из России с панславянской ориентацией»⁷⁹.

Ближайшими помощниками митрополита Ермогена стали в основном русские священники. Ввиду отсутствия епископов владыка в мае 1942 г. назначил 4 архиерейских наместников (все они были русскими эмигрантами): священника Серафима Купчевского — в Загреб, архимандрита Николая (Ружнецова) — в Сараево, священника Анатолия Парадиева — в Зеницу и протоиерея Василия Юрченко — в Шид. Секретарем владыки был Обркнежевич, референтом церковных дел — протоиерей Иосиф (Йоцо) Цвиянович, а священнослужителями при митрополите — Вениамин Романов и Алексей Борисов⁸⁰.

Первыми признали новый титул владыки Ермогена, помимо загребского прихода, русская община и казачий атаман в Сараево. Митрополита поддержали и отдельные (далеко не все) деятели четников, особенно активно

командир отряда «Кочич» У. Дренович. Сербское же духовенство и миряне на территории Хорватии в основной массе создание новой Церкви отвергло. Так, например, в Зворникско-Тузланской епархии ее признали лишь 7 священников. В середине ноября 1942 г. состоявшееся в боснийском городке Српска Ясеница (совр. Ясеница) собрание помогавших партизанам православных священнослужителей постановило, что они остаются верными Сербской Церкви и единогласно осуждают Хорватскую Церковь как порождение усташей и инструмент денационализации. Собравшиеся также высказались против «белогвардейского беглеца, самозванного митрополита Гермогена», назначение которого Павеличем главой Хорватской Церкви является «соблазном и унижением для православия». Подобным образом выразился и ЦК Коммунистической партии Хорватии: Хорватская Православная Церковь является обманом, признавшие ее священники — «предателями»⁸¹.

Сербская Церковь реагировала на преследования православных и создание Хорватской Православной Церкви неоднократными протестами и обращениями к сербскому премьер-министру М. Недичу и немецкому командованию в Сербии. Так, в конце мая 1942 г. Патриархия направила в правительство Сербии протест в связи с грабительским захватом Хорватским государством собственности Сербской Церкви. 8 июня министр образования поддержал этот протест и переслал его в штаб командующего немецкими войсками в стране. После этого уполномоченный германского МИДа в Белграде Бенцлер встретился с епископом Зворникско-Тузланским Нектарием и выяснил, что Сербская Церковь после распада Югославии считает себя хранительницей единства страны, не признаёт и в ближайшем будущем не признает Хорватской Православной Церкви, которой передана собственность Сербской Церкви в НГХ. В своем докладе в МИД от 9 ноября 1942 г. Бенцлер полагал, что сейчас не следует заниматься этим вопросом. Шеф полиции безопасности и СД 31 декабря на соответствующий запрос также ответил, что внесение ясности в данное дело в настоящее время представляется нецелесообразным. В результате германский МИД 13 января 1943 г. указал Бенцлеру в подходящей форме отклонить ходатайство Министерства образования Сербии⁸². 4 августа 1942 г. Сербский Синод принял новое постановление по делу создания автокефальной Православной Церкви в Хорватии: 1. Подтвердить решение от 30 апреля о непризнании Хорватской Православной Церкви, как неканоничной и основанной вопреки желанию местного сербского населения и архиереев. 2. Рассматривать запрещающее архиепископа Ермогена определение Синода Русской Православной Церкви как свое собственное, просить митрополита Анастасия продолжить судебный процесс над архиепископом, вынести решение и передать соответствующие документы Сербскому Синоду. 3. Разослать это постановление всем сербским архиереям с рекомендацией, чтобы архипастыри довели его до сведения всех священников, а те, в свою очередь, — верующих. Следует отметить, что, добыв протокол этого заседания Синода, германский МИД переслал его в СД⁸³.

Немецкое посольство в Загребе неоднократно извещало свое начальство о деструктивной деятельности Сербской Церкви в НГХ. 11 июня 1942 г.

посол писал, что отношение хорватского правительства к образованию самостоятельной Хорватской Церкви удовлетворительное, но эти устремления наносят вред Сербской Православной Церкви и сербскому населению. Поэтому надо учитывать, что из-за сопротивления с сербской стороны мероприятиям хорватского правительства по всем направлениям примирения двух стран пока не будет. В связи с этим посол предлагал унифицировать германское отношение к православным Церквам в Сербии, НГХ и других балканских странах и согласовать данную позицию с общей политикой в регионе, прогнозируя в противном случае неудачу религиозной политики⁸⁴. 22 октября посольство сообщало в германский МИД об опасности устремлений Сербской Церкви охватывать все православное население на отошедших от Сербии территориях. Оно отмечало, что с учетом национальной роли Сербской Церкви подобные требования представляют попытку приобрести политическое влияние на указанное население. Наконец, в декабре 1942 г. посольство писало, что Сербский Синод, как и раньше, стремится сделать германское правительство ответственным за преследование православных сербов в НГХ или как минимум отвести ему роль третьей стороны. Поэтому всякое дальнейшее преследование сербского элемента в НГХ будет истолковано Сербской Православной Церковью как нежелание или неспособность немецкого правительства вмешаться в это дело. С другой стороны, стремление правительства Германии использовать Сербскую Церковь для замирения занятых территорий не увенчается значительными успехами, пока будет существовать впечатление, что правительство не хочет серьезно заниматься ее частично обоснованными жалобами⁸⁵. Это противоречие германские власти так и не смогли преодолеть.

Всевозможные препятствия деятельности Хорватской Православной Церкви чинили и сербские архиереи за границей. Так, проживавший в США епископ Дионисий 18 октября 1942 г. написал и отправил государственному секретарю меморандум «Квислингское порождение — Хорватская Православная Церковь», в котором писал о преследованиях сербов и подчеркивал, что «православных хорватов не существует»⁸⁶. Хотя немцы имели своих осведомителей в руководящих органах Сербской и Русской зарубежной Церквей, они не ожидали их резко негативной реакции на создание Хорватской Православной Церкви.

Председатель Архиерейского Синода РПЦЗ митрополит Анастасий категорически не признал образования неканонической Церкви и еще до официального вступления архиепископа Ермогена в новую должность запретил его в священнослужении. После воскресного богослужения в белградской Свято-Троицкой церкви митрополит с амвона сообщил прихожанам о решении Архиерейского Синода от 6 июня исключить архиепископа Ермогена из состава Синода и духовенства РПЦЗ, запретить в священнослужении и при первой возможности (наличии полагающегося состава епископов) предать его церковному суду. В тот же день в Свято-Троицкой церкви владыка Анастасий, по свидетельству прихожан, «весьма резко осудил и само государство Хорватию с его жестокими гонениями православных сербов, за что сам

подвергся преследованию со стороны гестапо, как за явное возбуждение общественного мнения против союзного Германии государства»⁸⁷. 6 июня митрополит Анастасий письменно известил о решении Архиерейского Синода заместителя Сербского Патриарха митрополита Иосифа, отметив, что он был очень удивлен поступком архиепископа Ермогена. 9 июня Первоиерарх РПЦЗ написал о случившихся событиях в Софию русскому архиепископу Серафиму (Соболеву), попросил известить о них Болгарскую Православную Церковь и отметил, объясняя запрещение архиепископа Ермогена тем, что «необходимость принять срочные меры для предотвращения дальнейшего соблазна и сохранения братских отношений с Сербской Церковью» (см. приложение, документ 2). Через 2 дня Первоиерарх РПЦЗ написал об этом Епископскому совету при Управляющем русскими православными общинами в бывшей Югославии (см. приложение, документ 3).

Напечатать или объявить о решении Архиерейского Синода где-либо кроме русских церквей немецкие власти не разрешили. Так, в телеграмме представителя германского МИДа в Белграде Бенцлера своему начальству в Берлин от 16 июня 1942 г. говорилось о просьбе посольства в Загребе помешать митрополиту публично выступить против православной Церкви в НГХ. Бенцлер сообщил, что по его настоянию цензура воспрепятствовала публичному выражению мнения митрополита Анастасия, а митрополиту дали знать о желательности его отказа от всякого высказывания позиции против Хорватской Православной Церкви в проповедях и т. п. (см. приложение, документ 4). Немцы несколько раз безрезультатно пытались воздействовать на главу РПЦЗ, чтобы тот отменил свои прещения. После разговора с Павеличем владыка Ермоген по совету Г. Хелма обратился в Архиерейский Синод с просьбой признать его и не наказывать за самовольные действия, но митрополит Анастасий лишь известил об этом письме Сербский Синод. Первоиерарх РПЦЗ вызвал митрополита Ермогена в Белград, надеясь при личной встрече «вразумить» его, но последний от этого уклонился, считая, что «переговоры не приведут к позитивным результатам, так как Анастасий был односторонне проинформирован со стороны православного сербского митрополита»⁸⁸. В свою очередь, хорватские власти просили германское правительство предпринять необходимые шаги для организации поездки митрополита Анастасия в Загреб с целью урегулировать отношения с митрополитом Ермогеном, однако из этого также ничего не вышло⁸⁹. Верность главы РПЦЗ Сербской Церкви оказалась сильнее давления оккупационных властей. Архимандрит Иоанн (Шаховской) так охарактеризовал действия владыки Ермогена: «Удар для православной Церкви Сербии, сильно пострадавшей во время войны. И это после того, как Сербская Церковь великодушно приняла под свое покровительство епископов Карловацкого синода»⁹⁰. Следует отметить, что к сотрудничеству с Хорватской Церковью не удалось склонить архиепископа Феофана, которому почти год препятствовали покинуть монастырь Хопово и даже предлагали пост митрополита. 17 августа 1942 г. германский МИД, учтя ходатайство митрополита Анастасия, просил свое посольство в Загребе получить разрешение на

поездку архиепископа Феофана в Белград. Однако 27 августа немецкое посольство ответило, что эта поездка представляется руководству НГХ нежелательной. Владыка Феофан смог осуществить переезд только 15 октября 1942 г.⁹¹

В дальнейшем между Архиерейским Синодом и митрополитом Ермогеном произошли 2 острых конфликта. Первый из них касался русских церквей в Сараеве, Земуне и Цриквенице, находившихся под юрисдикцией РПЦЗ. Митрополит Ермоген потребовал от этих приходов поминать за богослужением его и Павелича, угрожая полицейскими акциями. Рассмотрев этот вопрос 14 декабря 1943 г., Архиерейский Синод РПЦЗ решил установить в надлежащих местах богослужения по форме: «Независимую державу Хорватскую и поглавника ея», поминовение же митрополита Ермогена, как не находящегося в молитвенном общении с Русской Православной Церковью за границей, признать невозможным⁹².

Синодальная канцелярия обратилась 29 декабря 1943 г. к уполномоченному германского МИДа по Юго-Востоку Нойбахеру, прося защитить религиозную свободу русских приходов от притязаний и притеснений хорватского правительства. Управляющий канцелярией Г. Граббе отмечал, что в Сербии положение русских общин совсем другое, чем в НГХ: на основе межцерковного соглашения в русских храмах Сербии кроме собственных архиереев поминают и сербских епархиальных епископов. 31 декабря Нойбахер сообщил об этом ходатайстве в МИД, рекомендовав воспрепятствовать требованиям митрополита Ермогена, «учитывая культурно-политически очень благоприятную позицию Патриарха Анастасия в Белграде». Согласившись с этим предложением, германский МИД 7 февраля 1944 г. указал посольству в Загребе воздействовать на митрополита Ермогена. 24 февраля посольство ответило, что в хорватском правительстве к требованиям митрополита относятся пассивно и не будут применять принудительные меры, а начальник отдела культов сообщил о терпимом положении русских церквей в НГХ. В свою очередь, имеются основания подозревать русского священника в Сараево в вербовке прихожан для своего храма среди членов Хорватской Православной Церкви. Воздействие же на митрополита Ермогена в смысле принуждения его отказаться от требований невозможно, правда, он не имеет средств, чтобы эти намерения осуществить⁹³. Такой ответ не устроил МИД, и 10 марта он повторно рекомендовал посольству в форме, которая не повредила бы немецким связям с митрополитом Ермогеном, воздействовать на архиерея, так как русским церквам в НГХ угрожают закрытием, если в них не станут поминать митрополита (поминовение поглавника в этих храмах к тому времени уже было введено). Повторное требование подействовало, и 6 апреля 1944 г. посольство сообщило в МИД, что оно рекомендовало митрополиту Ермогену не выдвигать дело на передний план. Митрополит выразил согласие, поскольку русские священники и так уже имеют его предписания. К тому же хорватское правительство по-прежнему относится к этому делу пассивно⁹⁴.

Таким образом, Архиерейский Синод отстоял свои церкви в НГХ. Правда, из прежних 5 русских приходов, оказавшихся на территории этой страны, под

юрисдикцией РПЦЗ осталось только 3: сараевский св. князя Александра Невского во главе с настоятелем протоиереем Алексием Крыжко, земунский св. архангелов Михаила и Гавриила с настоятелем протоиереем Виталием Лепоринским и цриквеницкий (приход в Сремски-Карловци фактически перестал существовать, а загребский перешел под юрисдикцию Хорватской Церкви). Кроме того, часть новосадского прихода, проживавшая в г. Петроварадине, оказалась на территории НГХ отрезанной от своего храма. Хорватские власти осенью 1941 г. предоставили русской общине в Петроварадине для проведения богослужений бывшую сербскую военную церковь. Самым значительным из указанных приходов являлся сараевский. В этом городе в 1920–1929 гг. находился русский кадетский корпус, для которого в марте 1921 г. была устроена домовая церковь во имя св. князя Александра Невского, вскоре появился русский участок на военном кладбище. После того как корпус покинул 5 сентября 1929 г. Сараево, закрылась и церковь, но уже в 1930 г. в городскую больницу был назначен протоиереем А. Крыжко, который возродил русский приход. В 1932 г. приход снял помещение бывшей мастерской на ул. Деспича, д. 6, где и устроил новую домовую церковь. В это время в Сараеве проживали 616 русских, но в приходе состояли около 100 семей. В 1934 г. при храме открылась воскресная школа, в создании которой главную роль сыграло сестричество во главе с Е. Н. Пелипец, регентом прекрасного церковного хора была К. П. Камат, казначеем — А. Н. Богатырев, а церковным старостой — Б. П. Викентьев.

В сентябре 1933 г. русский храм посетил Сербский Патриарх Варнава, а летом 1938 г. Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий. В связи с убийством в 1934 г. югославского короля Александра I Карагеоргиевича в церкви был устроен киот, увенчанный гербами России, Югославии и вензелем короля (в период оккупации югославский герб и вензель укрыли за широкой траурной черной тесьмой). После закрытия в 1941 г. почти всех православных храмов Сараева многие сербы ходили молиться в русскую церковь. При этом о. А. Крыжко тайно совершал богослужения в лесу для четников, бесстрашно исповедовал и причащал борцов против нацистов и усташей⁹⁵. В г. Земун, как уже говорилось, в годы войны существовало оставшееся под юрисдикцией РПЦЗ русское иноческое братство Святого Креста, настоятелем которого служил игумен Лука (Родионов). Даже служивший регентом в русской церкви Земуна сын владыки Ермогена С. Г. Максимов не последовал за своим отцом, остался верным РПЦЗ и в дальнейшем, до конца войны, был псаломщиком при походной церкви Русского корпуса в Югославии.

Связь русских общин НГХ с Белградом или Нови-Садом из-за необходимости получения виз была крайне затруднена. Так, когда в августе 1942 г. митрополит Анастасий назначил в Земун диакона Михаила Толмачева, тот не смог выехать туда из Венгрии. В 1941 г. священники из Нови-Сада еще могли приезжать для совершения богослужений в Петроварадин, однако затем им перестали выдавать хорватские визы. Даже летом 1944 г. приходы РПЦЗ в НГХ все еще не перечисляли Архиерейскому Синоду обязательные 10% от церковного дохода. Общая численность прихожан РПЦЗ в НГХ в то

время составляла около 6 тыс. человек, которых окормляли 4 священника. При этом хорватские власти официально не признавали Зарубежную Русскую Церковь и лишь терпели ее⁹⁶.

На территории НГХ действовали части 1-й казачьей дивизии (преобразованной со временем в 15-й кавалерийский казачий корпус) и Русского корпуса, имевших военное духовенство под юрисдикцией РПЦЗ, эти священнослужители нередко совершали богослужения не только для солдат своих частей, но и в православных храмах для русских и сербских прихожан. В частности, корпусной священник Русского корпуса игумен Никон (Рклицкий) 25 января 1945 г. написал митрополиту Анастасию, что он по приглашению настоятеля участвовал в совершении рождественских богослужений и произнесении проповедей в русской церкви Сараева. В этом письме отец Никон дал самую высокую оценку общине и ее настоятелю: «Местный русский приход во главе с протоиереем о. А. Крыжко при самых неблагоприятных обстоятельствах сохранил полную каноническую чистоту, чему способствовала твердость настоятеля, неоднократно подвергавшего свою жизнь опасности... Приходская церковь в г. Сараево производит очень благоприятное впечатление по своему благолепию, и чинности, и красоте богослужений. Проживая несколько дней в г. Сараево, я имел возможность убедиться, что протоиерей о. Алексей Крыжко пользуется любовью, уважением и добрым влиянием не только среди своей паствы, но и среди местного населения, как православного, так и неправославного, о чем мне приходилось слышать в трамваях и на улицах от людей, обращавшихся ко мне с вопросами о моем пребывании в г. Сараево»⁹⁷.

Еще один конфликт Хорватской Православной Церкви с РПЦЗ, возникший летом 1944 г., был связан именно с деятельностью духовенства русских частей на территории НГХ. Митрополит Ермоген обратился к командованию 1-й казачьей дивизии с призывом подчинить воинских священников его юрисдикции, перейти при богослужениях на григорианский календарь и возносить молитвы за него и Павелича. Митрополиту Анастасию пришлось снова обращаться к немецким властям, которые помогли отклонить притязания Загребского митрополита⁹⁸. В целом же германские ведомства старались поддерживать владыку Ермогена. Впервые его приняли в посольстве в Загребе 10 июля 1942 г. и обещали всячески помогать в «тяжелой работе». В дальнейшем такие визиты стали регулярными. 17 июля 1942 г. немецкий посол Каше даже сам посетил митрополита Ермогена, упомянув в беседе, что, «как и прежде, охотно готов его поддерживать любым образом» (см. приложение, документ 5).

Владыке уже вскоре после вступления в должность удалось несколько улучшить положение православных в НГХ. В июне 1942 г. во время своей поездки в Сирмиум (Сремска-Митровица) он открыл несколько закрытых там ранее храмов. 28 июня церковный староста села Рогожа написал митрополиту Ермогену о закрытии храма, насильственном перекрещивании и желании прихожан открыть церковь. В дальнейшем его ходатайство было удовлетворено. В конце июля 1942 г. благодаря усилиям митрополита вышло

распоряжение министра юстиции и культов о выплате государственных пособий, назначении жалования или пенсии, в соответствии с законом о чиновниках, священникам Хорватской Православной Церкви, их вдовам и сиротам. Причем право на получение пособий получили и жившие в стране жены священнослужителей, находившихся в безвестном отсутствии, высланных или самостоятельно уехавших из НГХ. В конце 1943 г. подобная помощь оказывалась 81 вдове, 42 женам священников Сербской Церкви и 38 сиротам⁹⁹.

Живший в годы войны в Загребе и хорошо знавший владыку Ермогена генерал И. А. Поляков 9 марта 1951 г. писал в его защиту епископу Флоридскому Никону (Рклицкому): «По всей Хорватии шло гонение на православных: сжигались церкви, арестовывались пастыри, часть иногда расстреливалась, нередко страдали и русские священнослужители. Единственная сербская церковь в Загребе, ставшая как бы русской, была закрыта. Вступая в управление Хорватской Православной Церковью, архиепископ Гермоген поставил одно условие — прекращение гонений на православную Церковь и других безобразий. Бывший тогда во главе Хорватии доктор А. Павелич эти условия принял и отдал соответствующие распоряжения. Гонения почти сразу утихли, стали открываться церкви и приводиться в порядок, получили и мы, загребчане, нашу церковь назад. Вскоре архиепископ Гермоген становится ходатаем за всех русских, которые новой хорватской властью временно арестовывались не только в одиночку, но и большими партиями и обычно без всяких с их стороны проступков. Таким образом, двери поглавника (доктор Павелич) были всегда для архиепископа Гермогена открыты, он шел к нему, и его просьбы хорватское правительство, хотя и скрипя сердцем, но все же выполняло. Посещая архиепископа Гермогена несколько раз в неделю и часто обсуждая с ним положение и разные вопросы, выдвинутые жизнью того времени, я встречал у него много посетителей, осаждавших его разнообразными просьбами. В числе последних нередко были даже русские военные, служившие в войсках доктора Павелича. Владыка во всем старался пойти навстречу, всем старался помочь. Следовательно, принятием возглавления Хорватской Православной Церкви архиепископ Гермоген сделал большое русское дело и спас многих и многих от преследования, тюрьмы, а иногда и смерти»¹⁰⁰. Необходимо отметить, что владыка заступался не только за русских, но и за всех православных, прежде всего за сербов. Обркнежевич об этом писал так: «Как участник основания Хорватской Православной Церкви я глубоко убежден, что, принимая во внимание тогдашние военно-политические обстоятельства страны, существование этой Церкви оказалось благоприятным для сербов, хорватов и других национальностей на территории Хорватии как в плане религиозно-духовном, так и в общечеловеческом. Наступило общее примирение хорватско-сербского конфликта, и во многих областях переговоры заключались во взаимном признании и национальной терпимости. Хорватская Православная Церковь, возглавляемая владыкой Гермогеном, оказалась защитницей сербов в Хорватии и временным решением в рамках тоталитарного строя, не терпящего Сербскую Церковь как исключительную господствующую организацию соседней Сербской державы»¹⁰¹.

При этом митрополит был вынужден демонстрировать лояльность к хорватским властям, в полной финансовой зависимости от которых находилась возглавляемая им Церковь. В многочисленных посланиях по случаю церковных праздников, дней создания НГХ, именин Павелича и т. д. митрополит Ермоген призывал православное население страны к повиновению правительству. Так, например, в связи с празднованием в НГХ 15–16 августа 1942 г. дня жатвы в православных храмах страны в праздник Успения Божией Матери (15 августа по новому стилю) были совершены богослужения с благодарственными молебствиями. Митрополит Ермоген выступил по случаю праздника с посланием: «В этот день все мы вознесем свои теплые молитвы Творцу Вседержителю за счастье и лучшее будущее нашего народа, нашего дорогого Отечества Хорватского и за здоровье и долгоденствие нашего державного главы государства — поглавника». 3 октября владыка Ермоген совершил в загребском храме молебен в связи с восшествием на престол болгарского царя Бориса, а 13 декабря 1942 г. — благодарственный молебен по случаю дня ангела «вождя» украинского националистического движения в НГХ полковника Андрея Мельника¹⁰². В сентябре 1943 г. митрополит Ермоген высказался против состоявшегося в Москве избрания Патриархом Московским и всея Руси митрополита Сергия (Страгородского)¹⁰³.

С самого начала Хорватская Православная Церковь испытывала нехватку священнослужителей. Первым из них фактически стал земунский священник Василий Шурлан, который еще в марте 1942 г. подал властям прошение о создании новой Церкви. Согласно же документам Загребской митрополии первым 25 июня 1942 г. на приход в Копривнице был поставлен священник Владимир Соколов, назначение которого утвердило и Министерство юстиции и культов. Именно отдел культов этого министерства принимал окончательные решения о поставлении духовенства, направляя их затем в Загребскую митрополию. Однако порой митрополит Ермоген проявлял самостоятельность и издавал свои распоряжения о назначении священников, расходящиеся с министерскими. Административная деятельность владыки отличалась многообразием: он объезжал приходы, освещал открываемые церкви и т. д. При этом митрополит Ермоген достаточно критически относился к деятельности усташей (их надзорная служба тайно за ним следила).

Реальная власть митрополита оказалась небольшой, обо всех уступках в пользу православных он был вынужден ходатайствовать перед германскими и хорватскими властями. Так, в 1942 г. владыка просил немецкого посла Каше помочь Хоповскому женскому монастырю. Служебный автомобиль митрополиту Ермогену предоставили только в 1944 г., что не свидетельствует об особом благоволении к нему хорватских властей. 20 июля 1944 г. немецкое посольство в своем обзоре отмечало, что Хорватская Православная Церковь ведет себя осторожно и митрополит Ермоген полностью зависит от Министерства юстиции и культов. Некоторые верующие писали владыке: «Вы, преосвященный, обычная фигура, которой власти помыкают, как хотят»¹⁰⁴.

Это было не совсем так, митрополиту Ермогену все-таки удавалось добиваться заметных уступок. С осени 1942 г. православные священники начали

преподавать Закон Божий в некоторых хорватских школах; начал издаваться составленный по григорианскому стилю православный календарь «Огниште» (Огнище). В первом календаре на 1943 г. были помещены фотографии и цитаты из выступлений Павелича, в календаре на 1944 г. выделялась антибольшевистская статья «Православная Церковь в СССР». В октябре 1944 г. был издан последний календарь на 1945 г. В нем опубликовали произведение одного из известных православных богословов, бывшего епископа Далматинского Никодима (Милаша), однако в обширной вступительной статье редактора календаря С. Стедимлии говорилось о смысле и значении «светосавия» и негативной политической роли Сербской Православной Церкви в прошлом и настоящем¹⁰⁵. С начала апреля 1944 г. в Загребе 2 раза в месяц выходила газета «Глас Православия», которая была задумана для содействия объединению православного населения (последний, 14-й номер появился 15 апреля 1945 г.). 13 октября 1943 г. хорватский премьер-министр Н. Мандич впервые ввел в правительство православного министра (без портфеля), адвоката из Сараева доктора наук С. Бесаровича. Продолжалось восстановление закрытых и частично разрушенных в 1941 г. православных храмов. 6 июля 1943 г. в селе Релево вблизи Сараева была открыта церковь во имя свт. Николая Чудотворца. Освящение и торжественное богослужение в храме в присутствии начальника местного гражданского управления совершил иеромонах В. Радванович.

Митрополит Ермоген безуспешно пытался добиться признания Хорватской Церкви со стороны Поместных православных Церквей. Первоначально владыка обратился к Константинопольскому Патриарху, однако добиться признания у него не помогла даже активная помощь Министерства иностранных дел НГХ. Затем митрополит написал главам Болгарской и Элладской Церквей. Единственный положительный комментарий о реакции в православном мире прозвучал в хорватской прессе относительно Болгарского Синода, который якобы «с радостью приветствовал основание Хорватской Православной Церкви»¹⁰⁶. 27 июля 1942 г. митрополит Ермоген сообщил служившему в Стамбуле настоятелем прихода при русском подворье Афонского скита св. пророка Илии архимандриту Серафиму (Палайде) о создании Хорватской Православной Церкви и предложил о. Серафиму пост епископа в ней. Владыка Ермоген просил архимандрита в случае принятия этого предложения получить разрешение на поездку в НГХ и хиротонию у Константинопольского Патриарха. Однако о. Серафим ответил отказом¹⁰⁷.

14 ноября 1942 г. митрополит отправил письмо новому Румынскому Патриарху Никодиму, указав в нем: «Волею Божией мое смирение было призвано возглавить Хорватскую Православную Церковь. Во время великих искушений, ниспосланных на часть святого православия, мне было суждено оставить тишину монастырского уединения, занять эту должность, которую ныне выполняю, взять кормило православной Церкви и собирать чад ея в одно стадо, по словам Первоначальника Господа Иисуса Христа, восстановить покой и благочестие, любовь и правоверие православия в Хорватии, где вихрь мировой войны восколебал и смутил православие, вызвал расстройство,

растление и полное безумие». Владыка Ермоген надеялся «на моральную поддержку, братское отношение, родственную любовь и одобрение». Ответ Румынского Патриарха Никодима через хорватское посольство в Бухаресте последовал только 23 апреля 1942 г. В нем говорилось о решении Румынской Православной Церкви официально не признавать Хорватскую Церковь со ссылкой на позицию Константинопольского Патриарха, однако содержалось обещание оказать моральную помощь и принять для обучения в высших духовных школах Румынии молодых хорватских клириков¹⁰⁸. Следует отметить, что, по сообщению хорватского посланника в Риме М. Лорковича, Ватикан положительно отреагировал на появление автокефальной Хорватской Православной Церкви, расценив ее создание в качестве этапа на пути к возможной унии с католической Церковью¹⁰⁹.

Со стороны официальных хорватских властей преследование православных сербов приостановилось, но со стороны военизированных формирований усташей оно продолжалось. Так, например, в докладе немецкого посольства в Загребе от 26 октября 1942 г. отмечалось, что 11 октября все до того времени мирно жившее 2-тысячное православное население села Кукуевич было убито или заключено в концлагерь; в середине октября усташаи провели насильственное удаление населения в районе Босанска-Дубица – Ясеновац, что вызвало рост повстанческого движения. На заседании Сербского Синода 15 января 1943 г. обсуждалось разрушение усташами часовни в Славонски-Броде и церковного кладбища, причем было решено восстановить их, если появится возможность¹¹⁰. Факт продолжения усташами репрессий германский МИД в своей аналитической записке от 15 июня 1944 г. считал одной из основных причин малого успеха деятельности Хорватской Православной Церкви (многие усташаи по-прежнему называли всех православных сербами и поэтому их убивали). В качестве другой причины указывалась личность «царского эмигранта» митрополита Ермогена. Кроме того, «банды Тито» по приказу Сталина пересмотрели прежнюю коммунистическую враждебность к религии и, чтобы «поддержать сталинский религиозный маневр», «ведут с собой перешедших к ним православных попов»¹¹¹.

Численность Хорватской Православной Церкви весь период существования оставалась небольшой. За 1942 г. (с 25 июня по 27 декабря) официально были назначены 70 священнослужителей, к концу года имелось 42 прихода. В феврале 1943 г. в списке платящих налоги священников значились 73 человека. Однако в дальнейшем их число снижалось: в мае 1943 г. 65 священников окормляли 55 постоянных и 19 временных общин. В январе 1944 г. в Хорватской Церкви имелось 57 священнослужителей, но в конце этого года из нее в результате резкого осложнения военной ситуации вышли 20–25 клириков, и в дальнейшем митрополиту Ермогену подчинялись около 30 священников. Приходы Церкви имелись только в тех районах НГХ, которые прочно контролировались правительством¹¹². Острая нехватка духовенства и необходимых средств для ремонта храмов и совершения богослужений ощущалась постоянно, при этом святое миро получали из Болгарии и Румынии. Несмотря на то что митрополит еще в июле 1942 г. говорил в германском посольстве

о возможности назначить трех епископов — одного русского и двух сербов, — через 2 года из-за административных сложностей и недостатка кандидатов создание задуманных диоцезов еще не осуществилось. Нехватку духовенства пытались решить различными способами. В июле 1943 г. Хорватская Православная Церковь направила своего представителя в Болгарию. Ему удалось установить официальные контакты с Болгарским Священным Синодом. В результате этой поездки 22 августа было заключено соглашение между Хорватской и Болгарской Церквами о принятии для учебы в Богословский институт при болгарском Черепишском монастыре 30 хорватских подданных — будущих священников. В дальнейшем планировалось их обучение в Софийской и Пловдивской Духовных семинариях. Однако для учебы в Болгарию поехали лишь 9 человек¹¹³.

«Разношерстная» Хорватская Церковь хотя бы в том шатком виде, в котором она существовала, в значительной степени держалась благодаря личности митрополита Ермогена. Внук протоиерея Серафима Купчевского М. А. Шардт-Купчевский, несколько идеализируя владыку, в основном справедливо писал: «Владыка Ермоген своей благодатной мудростью сумел удержать вокруг себя разнородные элементы. Новая Церковь стала многонациональной. Кроме сербов и хорватов ее членами были черногорцы, македонцы, болгары, румыны, цыгане, албанцы, русские, русины, украинцы и возвратившиеся в православие униаты. Владыка Ермоген сразу снискал любовь и уважение всей своей паствы, которая нашла в нем не только духовного руководителя, но заботливого сердечного отца, советника и защитника... Отличаясь редким талантом проповедования, владыка Ермоген обращался к своей пастве, призывая всех стремиться ко Христу Спасителю и искать Его в своей жизни, воспламенял сердца колеблющихся и своим примером смирял ропотников»¹¹⁴.

Последние церковные награды митрополит Ермоген вручил в конце марта — начале февраля 1944 г. 34 священнослужителям, в том числе 11 русским: архимандриту Николаю (Ружнецову), иеромонаху Лукиану (Андриевскому), протоиереям Петру Попову, Михаилу Милоградскому, Сергию Селивановскому, священникам Василию Добронравову, Вениамину Романову, Михаилу Песоцкому, Ивану Мрачковскому, Серафиму Купчевскому и Василию Юрченко. Из других русских священнослужителей, входивших в Хорватскую Православную Церковь, можно назвать иеромонаха Платона (Бондаря), протоиереев Димитрия Извольского, Димитрия Кутенко, Димитрия Мрихина, священника Евгения Погорецкого, протодиаконов Алексия Борисова и Алексия Ежисова¹¹⁵.

Единственный православный епископ Спиридон (Мифка) был назначен по предложению министра юстиции и культов указом Павелича от 8 августа 1944 г. в Сараево. О. Спиридон перешел в православие из католичества в 1927 г., окончил Духовную семинарию в Сремски-Карловци, принял монашеский постриг в 1941 г., затем он уехал в Германию, где около 6 месяцев жил в Дортмунде, и лишь в 1943 г. был назначен настоятелем прихода в НГХ. По свидетельству немецкого посла Каше, митрополит Ермоген не вполне был

согласен с назначением епископа Спиридона из-за моральных качеств последнего¹¹⁶. Поскольку для канонического совершения епископской хиротонии требовались как минимум 2 архиерея, хорватские власти еще до указа поглавника через свое посольство в Бухаресте и румынский МИД обратились за помощью к Румынскому Патриарху Никодиму. В послании от 4 августа Патриарх ответил согласием и направил в Загреб делегацию из 3 священнослужителей, в том числе митрополита Виссариона (Пую). Хотя немецкий посол в Загребе в своем донесении начальству от 12 августа пытался представить это послание как признание Хорватской Православной Церкви со стороны Румынской, на самом деле в нем не было об этом ни одного слова. Патриарх писал лишь о том, что передает Хорватской Церкви «наилучшие пожелания на будущее и поздравления с хиротонией нового епископа»¹¹⁷. 13 августа митрополит Виссарион приехал в Загреб и 15 августа вместе с митрополитом Ермогеном совершил в Спасо-Преображенском храме хиротонию епископа Спиридона, которой хорватские власти придавали большое пропагандистское значение. После хиротонии состоялись торжественные приемы в румынском посольстве и в резиденции министра юстиции и культов П. Цанки. 16 августа владыку Виссариона принял Павелч, наградивший митрополита орденом¹¹⁸. Синод Сербской Православной Церкви 11 сентября 1944 г. послал Румынскому Патриарху протест, указав в нем, что Спиридон (Мифка) ранее служил священником Сербской Церкви, но 28 ноября 1936 г. был лишен священного сана. Кроме того, он женат и имеет троих детей (в действительности о. Спиридон к 1941 г. овдовел, после чего и принял монашеский постриг)¹¹⁹. В октябре 1944 г. митрополит Виссарион, узнав о запрещении Архиерейским Синодом РПЦЗ митрополита Ермогена, посетил в Вене Первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия и выразил сожаление о том, что «по неосведомленности» относительно канонического положения Хорватской Православной Церкви и запрещения владыки Ермогена принял участие в хиротонии епископа Спиридона¹²⁰.

Согласно докладу Каше в германский МИД от 17 августа 1944 г., епископ Спиридон был выбран хорватскими властями в качестве «наследника» митрополита Ермогена, положение которого «поколебалось». Немецкий посол отмечал, что «Мифка полностью находится под влиянием правительства и... не может исполнять свои обязанности без согласия министерства». Однако авторитет епископа Спиридона был очень низким. Он должен был приступить к службе 3 сентября, но, поскольку православное население Сараева отнеслось к назначению епископа неблагоприятно и выражало возмущение в связи с недавним уголовным делом в отношении злоупотреблявших служебной властью священников, епископ занял должность только 1 октября. В этот день он устроил прием в своем дворце, где присутствовал немецкий консул в Сараеве¹²¹. В своем докладе митрополиту Анастасию от 25 января 1945 г. священник Русского корпуса игумен Никон (Рклицкий) описал неожиданное посещение его первой литургии в русской церкви Сараева епископом Спиридоном: «Он около 40-летнего возраста и производит впечатление человека доброжелательного и мягкого. Я совершал проскомидию.

Поздоровавшись со мной по-светски, он не чинил препятствий к совершению мною литургии в установленном для Зарубежной Церкви порядке. С протоиереем о. А. Крыжко он также сохраняет хорошие отношения, не предъявляя ему затруднительных, как священнику Зарубежной Церкви, требований»¹²².

Расценив участие митрополита Виссариона в хиротонии епископа Спиридона как признание Хорватской Православной Церкви со стороны Румынского Патриархата, хорватская пресса выражала надежду на то, что вскоре последует признание других православных Церквей. Однако этого, естественно, не произошло. Даже Церкви союзных Германии Румынии и Болгарии официально так и не признали ее. Вскоре режим Павелича рухнул. Югославская армия заняла Сараево, и епископ Спиридон переехал в Загреб. 11 апреля 1945 г. в Спасо-Преображенской церкви состоялось последнее торжественное архиерейское богослужение владык Ермогена и Спиридона в присутствии представителей хорватского правительства, руководства усташей и немецкого посольства¹²³. Последним обращением митрополита Ермогена к своей пастве стало пасхальное послание, в котором владыка, как и раньше, предупреждал об опасности, грозящей миру в лице безбожного коммунизма: «Берегитесь, чада мои духовные, тех, которые в священных ризах обращаются к вам вместо креста с кровавым ножом и оружием в руках, ибо они не воинствуют за Христа, но за нечестивого, стремящиеся прельстить вас и отравить души ваши! Берегитесь всех тех, которые говорят о свободе под красной звездой, ибо там нету свободы, там только бедствие и несчастье. В их временном царствии владеет только одна свобода — хула на Бога Вседержителя, Его Воскресшего Сына и Духа Святаго. В христианской любви и братском прощении, возлюбленные братья и чада наши духовные, поздравим друг друга радостным Пасхальным приветствием — Христос Воскресе!»¹²⁴.

8 мая Загреб был взят югославской армией. В этот день перестала существовать Хорватская Православная Церковь. Уже 10 июня в Спасо-Преображенском храме Загреба стал служить сербский священник. Павелич бежал в Австрию, затем скрывался в Италии, Аргентине, Испании, где и скончался в 1959 г. По некоторым сведениям, перед отъездом из Загреба поглавник предложил митрополиту Ермогену (вместе с клиром) уехать с ним в Австрию, но владыка отказался, как и все загребское православное духовенство. По словам Шардт-Купчевского, митрополит Ермоген заявил: «Нас здесь мало, но у нас есть епископство и духовенство православное, и совесть наша спокойна. В эти скорбные времена мы сохранили православие от растления. Мы готовы дать отчет во всех своих деяниях за время нашего служения перед свободно созванным Собором братской Сербской Церкви с участием архиереев Русской зарубежной Церкви»¹²⁵.

По свидетельству В. А. Маевского, митрополит «подвижнически нес взятый на себя крест и мужественно защищал вверенную ему русскую (а также запуганную и провоцируемую сербскую) паству, оставаясь с ней до последнего момента. Когда же советские войска приблизились к Загребу, то митрополит Ермоген, уступая настойчивым просьбам своей паствы, согласился покинуть город. Но его автомобиль был захвачен партизанами, и старца-владыку

вместе с сопровождавшим его регентом Космаенко зверски убили»¹²⁶. Маевский не вполне точен. Владыка Ермоген был арестован югославскими коммунистами 8 мая вместе с протодиаконем Алексием Борисовым, при этом, по воспоминаниям свидетелей, над престарелым митрополитом издевались, вода его раздетым по улицам, но в день ареста не убили. Епископа Спиридона, который успел скрыться из Загреба, арестовали 22 мая. Регент хора Спасо-Преображенской церкви А. Космаенко и некоторые другие церковнослужители пропали без вести, вероятно, были убиты коммунистами. По указанию правительства И. Броз Тито 29 июня 1945 г. состоялся суд Военного трибунала при коменданте Загреба над 23 священнослужителями различных конфессий, в том числе 6 православными. Фактически это оказался не суд, а расправа, так как он проходил без заслушивания показаний свидетелей и выступлений защитников обвиняемых. Митрополит Ермоген (Максимов), епископ Спиридон (Мифка), протоиереи Серафим Купчевский, Иосиф Цвиянович, Димитрий Мрихин, протодиакон Алексей Борисов, а также некоторые священнослужители других конфессий и начальник отдела культов Радослав Главаш были приговорены судом к смерти и вскоре расстреляны¹²⁷.

При этом новый режим далеко не так жестко подошел к католической Церкви, хотя первоначально пытался приравнять антикоммунистически настроенных католических архиереев к усташам и сделать их ответственными за преступления НГХ против сербов. Однако уже в 1945 г., выступая перед католическими епископами, Тито заявил, что он говорит как «хорват и католик»¹²⁸. В 1946 г. архиепископ Алоизий Степинац был признан виновным в государственной измене, убийствах сербов и приговорен к 5 годам тюрьмы, из которых отсидел лишь 2, а после освобождения был возведен папой Римским в сан кардинала. В 1998 г. он был беатифицирован, т. е. причислен к лику блаженных. Следует отметить, что ясного выражения позиции католической Церкви Хорватии относительно ее поведения во время Второй мировой войны до настоящего времени не последовало.

27 марта 1946 г. Синод Сербской Православной Церкви принял определение о запрещении в священнослужении всех рукоположенных митрополитом Ермогеном и епископом Спиридоном священников, однако на Архиерейском Соборе вопрос существования Хорватской Православной Церкви не рассматривался¹²⁹. В РПЦЗ Архиерейского суда над владыкой Ермогеном никогда не было, но негативное отношение к нему сохранялось длительное время. Когда в 1955 г. сын владыки С. Максимов обратился к митрополиту Анастасию с просьбой разрешить отпевание отца, Первоиерарх разрешил отпеть, но «потиху», без публичного афиширования этого события. Даже в конце 1990-х гг. на заседании Архиерейского Синода РПЦЗ отдельные его члены резко осудили деятельность митрополита Ермогена в годы Второй мировой войны.

В то же время некоторые священнослужители и миряне РПЦЗ считают владыку Ермогена и расстрелянных вместе с ним пастырей мучениками, память о которых должна быть восстановлена. В частности, Шардт-Купчевский писал в 2000 г.: «Исполнилось уже 55 лет со дня кончины наших русских

мучеников, духовенства и мирян, и вот их прах до сих пор покоится где-то в лесу, в месте массовых расстрелов — без захоронения, без отпевания. Только некоторых христиан, избранников Своих, Господь сподобляет великой чести пролить кровь свою и пострадать за Него, чтобы быть увенчанным венцом мученическим и приобщиться Вечной Пасхе Христовой. Кто имеет право судить их, кроме Того, Кто послал им столь великие очистительные испытания? Долгие годы мы замалчивали это чудовищное преступление. Наступило время совершить акт христианской справедливости к невинно убиенным жертвам. Мы должны сделать это во имя ныне живущих потомков и грядущих поколений, во имя нашей Святой Церкви! Да завершим этот век крови и насилия покаянием перед жертвами ненависти, умученными за веру Христову»¹³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Institut für Zeitgeschichte München (далее — IfZ), Fb 87/2. Bl. 153350.
- ² *Ђурић В. Б.* Усташе и Православље: Хрватска Православна Црква. Београд, 1989. С. 249.
- ³ *Buchenau K.* Kämpfende Kirchen: Jugoslawiens religiöse Hypothek. Frankfurt am Main, 2006. S. 68; *Маевский В.* Русские в Югославии: 1920–1945 гг. В 2 т. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 268.
- ⁴ IfZ, Fb 87/9. Bl. 6–7, MA 511. Bl. 814.
- ⁵ *Buchenau K.* Op. cit. S. 65.
- ⁶ *Радић Р.* Држава и верске заједнице: 1945–1970. Д. 1. Београд, 2002. С. 92–93, 101.
- ⁷ *Hory L., Broszat M.* Der kroatische Ustascha-Staat 1941–1945. Stuttgart, 1964. S. 96.
- ⁸ Ebenda. S. 97.
- ⁹ IfZ, Fa 502, Bd. 1. Bl. 164; *Buchenau K.* Op. cit. S. 67.
- ¹⁰ IfZ, Fb 87/1. Bl. 153664, Fb 87/4. Bl. 161536.
- ¹¹ *Мосс В.* Православная Церковь на перепутье: (1917–1999). СПб., 2001. С. 242.
- ¹² IfZ, MA 516. Bl. 259.
- ¹³ Ebenda, Bl. 1262, 1268.
- ¹⁴ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn (далее — AA), Inland I–D, 4741.
- ¹⁵ *Bremer T.* Kleine Geschichte der Religionen in Jugoslawien. Freiburg; Basel; Wien, 2003. S. 32; *Buchenau K.* Op. cit. S. 69–70.
- ¹⁶ *Hory L., Broszat M.* Op. cit. S. 65; *Полманинов Р.* Русский православный приход в Сараево // Православная Русь. 2002. № 20. С. 7.
- ¹⁷ *Wertz I.* On the Serbian Orthodox Martyrs of the Second World War // Orthodox Life. 1983. № 1. P. 15–26.
- ¹⁸ *Hory L., Broszat M.* Op. cit. S. 101.
- ¹⁹ *Иоани (Шаховской), архиеп.* Избранное: Собр. соч. В 2 т. Т. 2. Нижний Новгород, 2002. С. 163.
- ²⁰ IfZ, MA 516. Bl. 286.
- ²¹ *Мосс В.* Указ. соч. С. 240–241.
- ²² *Kosović B.* Žrtve drugog svetskog rata u Jugoslavije. London, 1985. S. 102, 174, 182; *Zerjavić V.* Gubici stanovništva Jugoslavije u drugom svetskom ratu. Zagreb, 1989. S. 61, 82; *Almond M.* Europe's Backyard War. London, 1994. P. 137; *Bateljja Ju.* Crna knjiga o grozovitostima komunističke vladavine u Hrvatskoj. Zagreb, 2000. S. 61; *Steindorf L.* Kroaten: Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München, 2001.
- ²³ *Прийма И.* Голоса Сербии. СПб., 1993. С. 94; Новопросиявшие святые земли Сербской // Православная Русь. 1999. № 7. С. 3–5.
- ²⁴ *Радић Р.* Указ. соч. С. 61.

- ²⁵ Bundesarchiv Berlin (далее — ВА), R 901/69301. Bl. 259, 275; Русская жизнь. 1946. 25 сентября.
- ²⁶ Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (далее — СА), д. 51/44.
- ²⁷ *Маевский В.* Указ. соч. Т. 2. С. 273.
- ²⁸ *Радић Р.* Указ. соч. С. 62.
- ²⁹ Церковная жизнь. 1942. № 5. С. 79.
- ³⁰ *Григорий (Габбе), еп.* Завет святого Патриарха. М., 1996. С. 332.
- ³¹ *Мосс В.* Указ. соч. С. 242; *Stepinac's Hat is Blood-Red // The Christian Century.* 1953. 14 January. P. 42-43.
- ³² Кира. 1943. 1.07.
- ³³ *Bremer T.* Op. cit. S. 34.
- ³⁴ ВА, R 901/69301. Bl. 128.
- ³⁵ *Косик В. И.* Русская Церковь в Югославии: (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 242; *Маевский В.* Указ. соч. Т. 2. С. 301.
- ³⁶ *Косик В. И.* Указ. соч. С. 83–84.
- ³⁷ Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973. С. 50–58; *Арсеньев А.* Русская интеллигенция в Воеводине // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 77.
- ³⁸ Торжество в Свято-Троицкой обители // Православная Русь. 1997. № 7. С. 8–9.
- ³⁹ *Косик В. И.* Указ. соч. С. 143.
- ⁴⁰ ВА, R 901/69300. Bl. 288, 62D1 1/85. Bl. 32, 36.
- ⁴¹ Православная Русь. 1941. № 17–18. С. 7.
- ⁴² ВА, R 901/69301. Bl. 126–128, 251.
- ⁴³ Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. С. 59.
- ⁴⁴ Российский государственный военный архив, ф. 500, оп. 3, д. 36, л. 93–95.
- ⁴⁵ *Никон, еп.* Леснинский женский монастырь. 1885–1955. Нью-Йорк, 1955. С. 3–8; *В., монахиня.* На развалинах Хоповской обители в Сербии // Православная Русь. 1947. № 9. С. 9–11; *Черкасов-Георгиевский В.* Русский храм на чужбине. М., 2003. С. 155–156.
- ⁴⁶ *Иоани (Шаховской), архиеп.* Указ. соч. Т. 2. С. 162–163.
- ⁴⁷ ВА, R 58/218. Bl. 31–32.
- ⁴⁸ *Hory L., Broszat M.* Op. cit. S. 120.
- ⁴⁹ ВА, R 901/69301. Bl. 77–81; *Kristo J.* Sukob simbola: Politika, vjero i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2001. S. 247.
- ⁵⁰ *Jelić-Butić F.* Ustaše i nezavisna država Hrvatska: 1941–1945. Zagreb, 1978. S. 176.
- ⁵¹ *Požar Đ.* Hrvatska Pravoslavna Crkva u prošlosti i budućnosti. Zagreb, 1996. S. 103.
- ⁵² *Бурић В. Б.* Указ. соч. С. 149.
- ⁵³ *Kristo J.* Sukob simbola... S. 250.
- ⁵⁴ См.: *Bremer T.* Op. cit. S. 36; *Matić B.* Prot: Krst i petokraka prote Milana Smiljanića. Beograd, 1985.
- ⁵⁵ IfZ, MA 1039. Bl. 472-473; *Pavelić A.* Hrvatska Pravoslavna Crkva: Akta 1941–1945. Madrid, 1984. S. 7–9.
- ⁵⁶ IfZ, MA 1039. Bl. 477-491.
- ⁵⁷ Ebenda, MA 515. Bl. 1038.
- ⁵⁸ *Радић Р.* Указ. соч. С. 99.
- ⁵⁹ *Požar P.* Op. cit. S. 136.
- ⁶⁰ *Pavelić A.* Op. cit. S. 18.
- ⁶¹ AA, Inland I-D, 4743.
- ⁶² Ebenda.
- ⁶³ Ebenda; *Бурић В. Б.* Указ. соч. С. 252.
- ⁶⁴ AA, Inland I–D, 4743; *Бурић В. Б.* Указ. соч. С. 163.
- ⁶⁵ Православная Русь. 1942. № 9–10. С. 8.
- ⁶⁶ СА, д. 23/40.

- ⁶ AA, Inland I—D, 4798; СА, д. Об учреждении в Германской епархии 2-го викариатства, л. 15, д. 24/42.
- ⁶⁸ *Požar Đ.* Op. cit. S. 142–143.
- ⁶⁹ *Obrknežević M.* Razvoj pravoslavlja u Hrvatskoj i Hrvatska Pravoslavna Crkva. München; Barcelona, 1979. S. 251, 253.
- ⁷⁰ *Гаврило (Дожић).* Мемоари патријарха српског Гаврила. Paris, 1988. S. 90.
- ⁷¹ *Požar Đ.* Op. cit. S. 146–147.
- ⁷² ВА, R 901/69670. Bl. 32.
- ⁷³ AA, Inland I—D, 4740.
- ⁷⁴ Церковное обозрение. 1942. № 4–6. С. 11.
- ⁷⁵ *Obrknežević M.* Op. cit. S. 253–254.
- ⁷⁶ *Pavelić A.* Op. cit. S. 19.
- ⁷⁷ Церковное обозрение. 1942. № 7–8. С. 6; Nedjeljne vijesti. 1942. 6. 06; *Kristo J.* Sukob simbola... S. 253–254.
- ⁷⁸ Nedjeljne vijesti. 1942. 8. 06
- ⁷⁹ *Kristo J.* Sukob simbola... S. 249.
- ⁸⁰ *Ђурић В. Б.* Op. cit. С. 194.
- ⁸¹ Там же. С. 170–171; *Kristo J.* Sukob simbola... S. 261.
- ⁸² AA, Inland I—D, 4794.
- ⁸³ Ebenda, 4743.
- ⁸⁴ Ebenda, 4742.
- ⁸⁵ Ebenda, 4741, 4742.
- ⁸⁶ *Kristo J.* Sukob simbola... S. 261–262.
- ⁸⁷ СА, д. 23/40; Россия. 1948. 14 июля; Новое русское слово. 1948. 1 апреля.
- ⁸⁸ ВА, R 901/69670. Bl. 15, 33.
- ⁸⁹ Ebenda, Bl. 7–8.
- ⁹⁰ *Поспеловский Д.* Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995. С. 219.
- ⁹¹ AA, Inland I—D, 4798.
- ⁹² СА, д. Протоколы Архиерейского Синода 28 ноября 1940 — 18 сентября 1946 гг.
- ⁹³ AA, Inland I—D, 4742.
- ⁹⁴ Ebenda.
- ⁹⁵ *Полчанинов Р.* Указ. соч. С. 5–7.
- ⁹⁶ СА, д. 18/41; AA, Inland I—D, 4740.
- ⁹⁷ СА, д. 51/44.
- ⁹⁸ Ebenda; СА, д. 15/41, л. 1.
- ⁹⁹ Церковное обозрение. 1943. № 1. С. 8; *Kristo J.* Sukob simbola... S. 261.
- ¹⁰⁰ СА, д. 23/40.
- ¹⁰¹ *Шардт-Кутчевский М. А.* Архиепископ Гермоген Екатеринославский и Новомосковский // Православная Русь. 2002. № 6. С. 6–7.
- ¹⁰² Церковное обозрение. 1942. № 11–12. С. 5, 12.
- ¹⁰³ Deutsche Zeitung im Ostland. 1943. 22 Oktober.
- ¹⁰⁴ AA, Inland I—D, 4740; *Ђурић В. Б.* Указ. соч. С. 200–203, 208–209.
- ¹⁰⁵ Hrvatski narod. 1944. 31.10; *Pavelić A.* Op. cit. S. 102.
- ¹⁰⁶ Hrvatski narod. 1942. 16. 06.
- ¹⁰⁷ *Ђурић В. Б.* Указ. соч. С. 194.
- ¹⁰⁸ *Kristo J.* Sukob simbola... S. 255–258.
- ¹⁰⁹ Ibid. S. 259.
- ¹¹⁰ AA, Inland I—D, 4795; IfZ, MA 516. Bl. 1255, 1262.
- ¹¹¹ AA, Inland I—D, 4781.
- ¹¹² *Kristo J.* Katolička crkva i Nezavisna Država Hrvatska: 1941–1945. Dokumenti. Knj. 2. Zagreb, 1998. S. 272; *Ђурић В.* Ustaše i pravoslavlje: Hrvatska Pravoslavna Crkva. Beograd, 1989; *Ђурић В. Б.* Указ. соч. С. 209–220.
- ¹¹³ Церковное обозрение. 1943. № 8. С. 4; Das Evangelische Deutschland. 1943. 1 August. S. 121; Za Dom (Kroatische Korrespondenz, Zagreb). 1943. 2 September. S. 8.

- ¹¹⁴ Шардт-Кутчевский М. А. Указ. соч. С. 6–7.
¹¹⁵ СА, д. 17/41.
¹¹⁶ АА, Inland I–D, 4743.
¹¹⁷ Ebenda.
¹¹⁸ ВА, R 901/69670. Bl. 15, 20, 40; АА, Inland I–D, 4740, 4781; Pavelić A. Op. cit. S. 97–98; Požar P. Op. cit. S. 199.
¹¹⁹ Бурић В. Б. Указ. соч. С. 254.
¹²⁰ СА, д. 3/50.
¹²¹ АА, Inland I–D, 4742.
¹²² СА, д. 51/44.
¹²³ Hrvatski narod. 1945. 12.04; Pavelić A. Op. cit. S. 102.
¹²⁴ Шардт-Кутчевский М. А. Указ. соч. С. 7.
¹²⁵ Там же.
¹²⁶ Маевский В. Указ. соч. С. 300–303.
¹²⁷ Požar P. Op. cit. S. 339–340.
¹²⁸ Kristo J. Katolička crkva... S. 372.
¹²⁹ Бурић В. Б. Указ. соч. С. 256.
¹³⁰ Шардт-Кутчевский М. А. Указ. соч. С. 7.

Приложения

№ 1¹

**29 апреля 1942 г. Хопово. — Письмо
архиепископа Ермогена (Максимова)
митрополиту Анастасию (Грибановскому)**

Вы совершенно правы, когда пишете, что среди наших епископов не найдется ни одного, кто решился бы возглавить православную Церковь в Хорватии без надлежащего благословения со стороны русской церковной власти, а равным образом со стороны Сербской Церкви, ибо по церковным канонам такое действие недопустимо, ибо таковой епископ навлек бы на себя не только нравственную, но и каноническую ответственность. Я хорошо помню, Св[ятейший] Патриарх Московский совершенно отрицательно высказался против автокефалии Польской Православной Церкви, когда при таких же условиях возникла автокефалия Польской Православной Церкви.

Доселе предложения об учреждении автокефалии от подлежащего правительства к нам не поступало, а если бы таковое поступило, тогда мы сочли бы себя обязанными обратиться за разрешением и благословением к русскому Заграничному синоду и лишь по его указанию могли бы принять соответствующие меры. Правда, частно нам известно было, что означенное предложение ожидается, но и только, и на извещение из Карловцев по этому делу я запросил сообщить мне подробности, чтобы затем доложить Синоду. Ответа на мою просьбу еще не получено, а когда получится, немедленно буду писать Вам.

Во всяком случае, успокойте м[итрополита] Иосифа, что мы², ценя услуги Сербской Патриархии для Церкви нашей Заграничной, не сделаем ничего для него обидного. Прошу Ваших св[ятых] молитв, с глубоким почтением и братской любовью остаюсь усердным Вашим слугою

Архиепископ Гермоген³.

№ 2⁴

**9 июня 1942 г. Белград. — Письмо
митрополита Анастасия (Грибановского)
архиепископу Богучарскому Серафиму (Соболеву)**

Ваше Высокопреосвященство, милостивый архипастырь!

Из прилагаемых при сем документов⁵ Вы усмотрите, какое новое испытание постигло нашу Церковь вследствие антиканонического поступка Высокопреосвященного архиепископа Гермогена. Необходимость принять срочные меры для предотвращения дальнейшего соблазна и сохранения братских отношений с Сербской Церковью вынудила меня принять решение, изложенное в моей резолюции от 24 мая / 6 июня с. г.⁶

О всем происшедшем я прошу Вас поставить в известность Св. Синод Болгарской Православной Церкви, а также высказать мне свое суждение, а также сообщить мне, не представится ли Вам возможность получить разрешение на проезд сюда для участия в заседании Синода.

[Митрополит Анастасий] ⁷.

№ 3⁸

**11 июня 1942 г. Белград.— Отношение
митрополита Анастасия (Грибановского) Епископскому совету
при Управляющем русскими православными общинами
в бывшей Югославии**

По полученным сведениям, в Хорватии образована автокефальная Церковь без согласия Церкви-Матери. Во главе этой новой Церкви, вопреки священным правилам, встал архиепископ Екатеринославский и Новомосковский Гермоген. Ввиду нарушения им целого ряда священных правил и выхода из подчинения своей канонической власти в лице Архиерейского Синода, мною резолюцией от 24 мая / 6 июня с. г. наложены на него прещения. Вследствие сего русскому духовенству, находящемуся в Хорватии, должно воздерживаться от всякого молитвенного канонического общения с ним, о чем Епископский совет даст сему духовенству соответствующие указания.

[Митрополит Анастасий].

№ 4⁹

**16 июня 1942 г. Белград.— Телеграмма представителя германского МИДа
в Сербии своему начальству о непризнании митрополитом Анастасием
Хорватской Православной Церкви**

ДНБ в Загребе 6 [июня] сообщило об учреждении Хорватской Православной Церкви, первым митрополитом которой поглавник назначил русского архиепископа Гермогена. Прошу телеграфных указаний, какую позицию занять нам по отношению к этому событию. Дипломатическая миссия в Аграме уже просила меня помешать Анастасию, Патриарху местной Русской Церкви ¹⁰, который не признает основания новой Церкви в Хорватии, публично выступить против нее. В связи с этим известно, что Патриарх Анастасий сообщил временно исполняющему обязанности председателя Синода Сербской Православной Церкви о непризнании им новой Хорватской Церкви, несогласии с назначением митрополита Гермогена, отстранении его от должности и возбуждении против него в соответствии с каноническим правом судебного разбирательства. До выяснения нашей позиции [я] заботился о том, чтобы цензура препятствовала возможному публичному высказыванию мнения Патриархом Анастасием, и ему конфиденциально дали знать о желательности его отказа от всякого публичного высказывания мнения в проповедях

и т. п. против новой Православной Хорватской Церкви. Он согласился с этим, настаивая, однако, на точке зрения, что создание Церкви и занятие поста ее главы Гермогеном по каноническому плану недопустимо и легализация происшедшего возможна только с согласия Сербской Православной Церкви.

Бенцлер.

№ 5¹¹

17 июля 1942 г. Загреб. — Сообщение немецкого посланника в Хорватии в свой МИД о переговорах с главой Хорватской Православной Церкви митрополитом Ермогеном

При моем ответном посещении митрополита Гермогена было упомянуто о его планируемой поездке в Белград. Гермоген считает, что, хотя он имеет намерение послушаться вызова митрополита Анастасия, но опасается, что переговоры не приведут к позитивным результатам, так как Анастасий был односторонне проинформирован со стороны православного сербского митрополита. Если бы он [митрополит Ермоген. — М. III.] имел гарантию, что митр[ополит] Анастасий правильно информирован и имеются перспективы для хоть какой-нибудь совместной работы, он был бы готов немедленно отправиться в поездку. На это высказывание я не сделал ему никаких обещаний, однако упомянул в общем, что, как и прежде, охотно готов его поддерживать любым образом.

Митрополит Гермоген также сказал, что его работа здесь развивается благоприятно. Из планируемых в будущем трех епископов — один русский и два серба. Таким образом, кажется, не удалось найти на пост епископа как минимум одного хорвата. Остается оговоренным дальнейший доклад.

Каше.

№ 6¹²

25 мая 1944 г. Хорватия. — Рапорт дивизионного священника кавалерийской казачьей дивизии в Хорватии протоиерея Евгения Яржемского митрополиту Анастасию (Грибановскому)

Считаю своей обязанностью донести Вашему Высокопреосвященству, что 16 мая я был приглашен в штаб дивизии, где мне было предложено на прочтение письмо арх[иепископа] Гермогена, в котором он пишет, что ему стало известно, что в дивизии есть священники, которые обслуживают дивизию. Он требует, чтобы все эти священники подали прошение на его имя для утверждения их в должности, а до утверждения их они должны совершать богослужения по новому стилю, во время богослужения поминать его и поглавника; в случае неисполнения этих его требований он предпримет меры к выполнению его требований. Прочитав письмо, я заявил, что эти требо-

вания невыполнимы, и в случае, если бы немецкое командование настаивало на исполнении этих требований, я принужден уйти из дивизии, и, думаю, так же поступят и остальные священники.

Тон письма настолько груб и вызывающий, что буквально всех чинов дивизии, читавших письмо, возмутил. Письмо было датировано 14 апреля, а здесь принято 13 мая. Вчера, 24 мая, меня пригласил к себе майор Эльс, докладчик по этому делу. Он подробно интересовался этим делом, отношением к этому вопросу православных Церквей и пришел к выводу, что требования арх[иепископа] Гермогена незаконны. На его письмо решено ответить, что ввиду того что армия немецкая экстерриториальная, то ничье вмешательство в ее дела недопустимо. По-видимому, этот инцидент на этом и закончится.

Испрашиваю Вашего Святительского благословения смиренный послушник протоиерей Евгений Яржемский.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Синодальный архив Русской православной Церкви за границей в Нью-Йорке (далее — СА), д. 23/40, б/л. Подлинник.
- ² Имеется в виду живший в то время в монастыре Хопово вместе с архиепископом Ермогеном архиепископ Курский и Обоянский Феофан.
- ³ 25 мая 1942 г. митрополит Анастасий сообщил о письме архиепископа Ермогена в Сербский Синод.
- ⁴ СА, д. 23/40, б/л. Копия.
- ⁵ В деле упомянутые документы отсутствуют.
- ⁶ Этой резолюцией владыка Ермоген был запрещен в священнослужении и отдан под духовный суд архиереев РПЦЗ.
- ⁷ Ответное письмо архиепископа Серафима отсутствует.
- ⁸ СА, д. 23/40, б/л. Копия.
- ⁹ Bundesarchiv Berlin (далее — ВА), R 901/69670, Bl. 52. Телеграфный бланк.
- ¹⁰ Митрополит Анастасий (Грибановский) никогда не имел титула Патриарха.
- ¹¹ ВА, R 901/69670, Bl. 15. Подлинник.
- ¹² СА, д. 41/43, б/л. Копия.